

Глеб Карпинский

ВИНО ДЛЯ ЛЮБИМОЙ

ДЕТЕКТИВНЫЙ РОМАН

Глеб Карпинский

**Вино для любимой.
Детективный роман**

«Издательские решения»

Карпинский Г.

Вино для любимой. Детективный роман / Г. Карпинский —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-966076-3

Вы пили когда-нибудь хорошие вина, мой дорогой друг? Нет, не те, что выдержаны в давно забытых подвалах или взявшие приз Prestige cuvée в Париже... Я говорю о настоящих винах в наших живых сердцах, что подобно молодой взыгравшейся крови, раскрываются еще ярче в прощальном поцелуе с любимой женщиной. Если да, то Вы поймете меня...

ISBN 978-5-44-966076-3

© Карпинский Г.
© Издательские решения

Содержание

Часть I	6
Татуировка	6
Незаконченный портрет	10
В мастерской художника	17
Не случившаяся пощечина	24
Ограбление банком	28
Одна в ночи	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Вино для любимой Детективный роман

Глеб Карпинский

*«Вы пили когда-нибудь хорошие вина, мой дорогой друг?
Нет, не те, что выдержаны в давно забытых подвалах
или взявшие приз Prestige cuvée в Париже...
Я говорю о настоящих винах в наших живых сердцах,
что подобно молодой взывавшейся крови,
раскрываются еще ярче в прощальном поцелуе с любимой
женщиной.
Если да, то Вы поймете меня...», —
размышления винодела.*

*Редактор Ирина Карпинская
Дизайнер обложки Ирина Карпинская*

© Глеб Карпинский, 2019
© Ирина Карпинская, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4496-6076-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть I

Татуировка

Двери с тихим шумом закрылись, и под нарастающий гул набирающего скорость поезда народ повалил к эскалаторам. Второй выход был временно на ремонте, из-за чего среди пассажиров возникла нервозность, и они, наступая друг другу на пятки и ловко обгоняя друг друга, старались поскорее протиснуться в толпе к заветной лесенке, стремительно поднимающей их на поверхность. Лишь два человека остались на быстро опустевшей платформе, словно покинутые всеми. Хорошо ухоженная женщина шла медленно впереди, уткнувшись в свой телефон, и высокий, красивый мужчина брел за ней следом, невольно наблюдая, как та виляет широкими бедрами под колышущимся от сквозняка красным платьем. Иногда его пылливый чувственный взгляд отрывался от этой завораживающей, гипнотизирующей его сознание магии и устремлялся ввысь по обнаженной спине женщины. Свет балюстрад невольно ослеплял его, и мужчина жмурился, почти растворяясь в искусственном солнце, скорее всего, про себя задрав подол дразнящего его платья и мысленно творя непристойности.

В какой-то момент он замечтался так, что нечаянно врезался носом в эти узкие обнаженные плечи на подъеме у эскалатора. Лестница круто покатила вверх, но женщина даже не обернулась, по-прежнему листая что-то на экране своего телефона. Очевидно, эти двое прежде никогда не были знакомы, но на каком-то ментальном уровне их ритмы и настроения совпали. Женщина даже не стала переходить на следующую ступеньку, хотя возможность для маневра у нее была. Она лишь на мгновение оторвала взгляд от своего телефона и, словно прислушиваясь к отдаленным звукам приходящего поезда, показала мужчине свой красивый профиль. Пронзительный гул заставил ее вздрогнуть, и аккуратно отточенная ладошка мягко опустилась на поручень. При этом тонкие пальчики с мастерски написанным под цвет платья маникюром, сделали робкое перебирающее движение, точно играли на пианино какую-то приятную мелодию. Прильнувший мужчина тоже положил свою руку, но чуть выше от себя по поручню, нарушая личное пространство понравившейся ему женщины. Обручальное кольцо он не снимал никогда.

Поезд остановился, и новая толпа пассажиров хлынула из вагонов, и те, кто уже стоял на эскалаторе, стали оглядываться с самодовольными лицами, наблюдая, как быстро заполняются пустоты. Они уже прошли путь давки и толкания, но, тем не менее, им снова пришлось принять напор и почувствовать, казалось бы, уже забытый вкус борьбы, и скоро все уже стояли в два ряда, и напрасно кто-то упорно пытался протиснуться по левой стороне и ругался. Чтобы не быть отсеченным от незнакомки в красном, мужчина прижался к ней еще ближе.

Уже на середине подъема, когда вихрь от уходящего поезда и сквозняк с улицы столкнулись в противостоянии, тронув спадающие на ее плечи волосы, он заметил искусно сделанную татуировку – ползущую по шее кобру, и тихо простонал от восторга, точно ужаленный. И этот тихий, отчасти отчаянный стон передался и женщине, и она задрожала в каком-то сладостном трепете. Чтобы скрыть это, она слегка поправила локоны за ушами, но мужчина уже заметил, как от жаркого дыхания его губ спина прекрасной незнакомки покрывается мурашками. Он сам задрожал, невольно вдыхая ароматы парфюма, и закрыл в упоении глаза. В этот сакральный момент его рука на поручне сама коснулась ее руки...

Им было около сорока лет. Может быть, мужчина в черной кожаной куртке был немного моложе. Но, в любом случае, женщина могла постоять за себя, возмутиться, устроить скандал или дать пощечину. Напротив, она даже получала явное недвусмысленное наслаждение от такого преступного, нарушающего все мыслимые и немыслимые границы сближения. Они

так и стояли, вжавшись друг в друга, пронзенные одним желанием близости, и ничего не знающие друг о друге. И когда их руки на поручне сомкнулись в замок, их сердца застучали в одном бешеном ритме, и время остановилось...

Она вдруг почувствовала его напористую твердость и, боясь привлечь внимание посторонних, не зная, как реагировать дальше, уткнулась в свой телефон, пока его горячие до дрожи губы касались ее изнеженной кожи, вызывая мурашки и сладостный трепет. Она хотела, хотела даже большего, чем эта внезапная страсть, но страх разоблачения перед окружающей толпой останавливал ее. Она боялась этих безразличных и жестоких людей, и жестко прикусив свои губы и чувствуя, что вот-вот может заплакать, вдруг поняла, что всю жизнь искала этой любви. В этот момент она одернула руку и отстранилась, четко осознав, что ей нужно что-то менять в своей жизни, причем срочно, немедленно. Она поняла, что та жизнь без любви в почти пятнадцатилетнем бездетном браке, которую она вела до сих пор, еще более аморальна, чем эта минута, проведенная с незнакомым мужчиной на ступеньках подъема эскалатора, возможно, извращенцем, сумасшедшим или кем-то еще.

Неожиданно ступеньки стали опускаться, людской поток подхватил и где-то на выходе из метро смял и разделил их. И они, оскорбленные этим внезапным разрывом, стали неистово искать друг друга глазами, словно тонули в этом человеческом море. На щеках женщины все же брызнули слезы, а мужчина, с надеждой вытягиваясь над толпой, еще долго пытался понять и высмотреть путь, куда исчезает его прекрасная незнакомка.

Когда же он оказался один, то долго бродил по Арбату, словно без дела, вглядываясь в витрины магазинов и кафешек, в лица проходящих мимо него женщин. Ему казалось, что та незнакомка с ползущей по шее змеей где-то ходит рядом и также ищет его...

Затем он свернул на небольшую улочку и оказался на пороге знаменитого грузинского дворика. Там проходила презентация автохтонных вин и, судя по всему, народ еще не успел распробовать щедрые дары солнечной Грузии, а тот, кто распробовал, с видом невежественного знатока медленно попивая из дегустационных пластиковых стаканчиков, качал головой и говорил «Нет, Киндзмараули уже не то». Такое отношение к чужому труду испортило настрой нового гостя, и он не сразу решился подняться в ресторан, хотя акция была бесплатная и любой желающий презентабельного вида, достигший восемнадцати лет, мог сравнить «Алазанскую долину» с «Чинури» или уже упомянутое Киндзмараули с «Саперави».

– Здравствуйте, – обратился он в холле к симпатичной девушке в грузинском платье, отделанном золотистой тесьмой и бисером, и улыбнулся. Она стояла у большого треснувшего кеври, служащего декорацией. Поверх белого платья была накинута контрастная черная катиби с длинными, ложными рукавами. – Гамарджоба (Желаю победы).

– Дила мшвидобиса, (Мирного труда) – улыбнулась она в ответ, поправив на себе шелковый вышитый золотом пояс.

– Кто ходит в гости по утрам, тот поступает мудро, – продолжил подшучивать мужчина словами из известной песенки Винни-Пуха.

– Тарам-тарам-тарам-тарам, – поддержала его настроение девушка. – Проходите, пожалуйста, Вас ждут отличные вина! Можно узнать, как Вы узнали о нашей акции?

Он все еще держал в руках приглашение-флаер и показал ей.

– Вот при выходе из метро раздали, наверно, как самому трезвому.

Девушка опять улыбнулась.

– Надеюсь, Вы высоко оцените наши вина. Вы знаете, что большинство из этих вин произведены по древнему кахетинскому способу, то есть молодое вино вначале выдерживают в глиняных сосудах кеври, которые находятся закопанными в земле... Сейчас, к сожалению, рынок направлен на европейского потребителя и нас обязывают переходить на европейские стандарты. Так что, пожалуй, у Вас поистине уникальный шанс отведать настоящее живое вино, без оксида серы и других консервантов, которое пили еще колхидские цари и царицы!

Очевидно, первые неброские фразы гостя сразу расположили молодую грузинку. Она заметно засияла и лично проводила мужчину в дегустационный зал.

– Вот сюда, пожалуйста! – сказала она напоследок и вернулась на свой пост. Там уже стояли в нерешительности новые гости.

Дегустационный зал был небольшим. Первое, что бросалось в глаза, это длинные ряды столов покрытые белоснежными скатертями. Все они были уставлены красивыми, порою без этикеток, бутылками, глиняными кувшинами и даже двуручными амфорами. Рядом стояли тарелки с фруктами и различной закуской национального характера: вкусными лепешками, сыром, брынзой, оливками. Несколько юношей-сомелье стояли за этими столиками и уговаривали редких гостей, бродящих по залу с пластиковыми стаканчиками, отведать то или иное вино с дальнейшей перспективой покупки одной или пару бутылочек. Дальше у окон располагались столики для гостей, которые предпочитали остаться и насладиться винами в более спокойной и ненавязчивой обстановке. Для них жарился шашлык, и подавались основные блюда по меню. Сама торговля винами шла неважно, и в основном люди просто тупо напивались за счет заведения. Мужчина в куртке поинтересовался у самого крайнего сомелье, где можно попробовать Саперави. Судя по всему, он был хорошо знаком с грузинскими винами и даже неплохо разбирался в грузинской кухне.

– Вы прямо по адресу, – предложили ему неполный стаканчик.

– Божественно, – отпил он осторожно, слушая при этом, как сомелье увлеченно рассказывал о достоинствах сорта. – Танины чувствуются.

– Остался последний ящик, – сказали ему по секрету. – Это надежное вложение Ваших средств. С годами такое вино раскрывается еще лучше.

– Что ж... Еще пару глотков, и я созрею, – отшутился он и отошел к «Алазанской долине», где стояли две деловые, хорошо одетые, при деньгах барышни.

– Сообразим на троих, девушки? – предложил он, улыбаясь, совместно отметить начало осени, но дамы посмотрели на него с осуждением и даже не удосужились ответить.

Им уже упаковали в бумажные пакеты несколько бутылок, и сомелье, совсем молодой с интеллигентными чертами грузинский мальчик, вызвался донести товар до машины.

– Что ж... Еще пару глотков, и я созрею, – повторил тогда мужчина в куртке и, не выпуская из рук свой стаканчик, тоже отправился к выходу.

Девушка в фойе в грузинском наряде, уже в сопровождении своих строгих братьев с орлиными носами, которыми они заметно гордились, пожелала ему счастливого пути, несмотря на то, что он ушел пустым, и он, оценив ее благородство, обещал зайти к ним еще, возможно, завтра и обязательно приобрести хоть одну бутылочку автохтонного сорта.

На улице он увидел у нижних ступеней бездомного, который пытался подняться и сильно охал, потирая ушибленный бок. Очевидно, этот несчастный не прошел фейс-контроль и его грубо вытолкали из заведения.

– Эй, – окрикнул его мужчина в куртке и предложил ему свой стаканчик, – на, отхлебни глоток южного солнца.

Но бездомный отворотил нос и пренебрежительно сплюнул себе под ноги.

– Если ты пришел к змеям, не удивляйся, что тебя ужалят, – проворчал он, поглядывая исподлобья на двух дам, которые спускались по ступенькам в сопровождении чересчур услужливого мальчика.

Не смотря на то, что молоденький сомелье нес тяжеленный, позвякивающий на ходу пакет, он умудрялся еще подавать то одной даме, то другой свою высвобождающуюся руку. И те охали и ворчали, опасаясь, что дорогое вино может выскочить из пакета и разбиться от этих непродуманных движений.

Мужчина в куртке не стал дожидаться, пока дамы спустятся, и, подгоняемый в спину ветром, с нескрываемой грустью и с каким-то сожалением, продолжил свой путь, выйдя опять на Старый Арбат.

Незаконченный портрет

Кто бывал хоть однажды на старом Арбате, наверняка видел художников, сидящих на раскладных стульчиках перед мольбертами прямо под открытым небом. Среди этих работников кисти, пастели и угля встречаются настоящие таланты своего дела, которые из года в год совершенствуются в жанре портретного рисунка, анимализма и пейзажей старых московских дворики. Их первоклассные работы обычно выставляются прямо на улицах, и иной раз прохожие путают их с мировыми шедеврами, а некоторые коллекционеры даже охотятся за такими работами, считая, не без основания, все это современным пока еще недооцененным искусством.

Возможно, именно такой старичок с козлиной бородкой, в характерной для художника шапочке, отделился от скупающего сборища своих побратимов по ремеслу и обратился к проходящей мимо женщине, которая быстро катила перед собой инвалидную коляску. Очевидно, эта прохожая уже не раз бывала здесь и была знакома с уличным творчеством не понаслышке, потому что еще заранее завидев мольберты, она поспешила обогнуть их, но настойчивый художник с бородкой все же преградил ей путь, широко раскрыв, словно коршун, свои когтистые крылья-руки.

– Не пушу, Люда, не пушу! – заговорил он заплетающимся языком, слегка пошатываясь.

– Ну вот, опять налился, – закачала покрытой головой эта, судя по платку и старомодному длинному платью, набожная женщина, с осуждением глядя на подвыпившего мастера.

Ее невзрачное вытянутое лицо казалось слегка перекошенным, сильно расстроенным, может быть, от следствия нервного паралича или другого сильного переживания, следы от которого не исчезали ни на секунду. В инвалидной коляске, которую она катила, сидела девочка на вид лет четырнадцати-пятнадцати, в легком, не по погоде одеянии. Поверх ситцевого платица на коленях лежал шерстяной плед, из-под края которого почти безжизненно свисали худющие ножки в вязаных носочках, и именно к этим носочкам и припадал отчаянный художник. Он также пытался делать земные поклоны, ходя за больной девочкой на коленях, но в результате резких маневров коляски лишь подметал своей бороденкой брусчатку. Эта душераздирающая сцена вызывала у прохожих не совсем приятное ощущение. Они старались проходить мимо, не задерживаться, опуская при этом и отводя глаза в сторону.

– Ну, не злись ты так на меня, Люда! – горячился художник, теребя в руках огрызок черного уголька. – Пожалей дурака, на выпивку не хватает...

Его пораженные подагрой пальцы были черны от угля, и сам он с головы до ног был перепачкан, точно выскочивший черт из табакерки. Поношенный дырявый свитер и особенно одутловатое лицо, эти нездоровые мешки под глазами, покрасневший мясистый нос и жуткий разящий перегар завершали образ опустившегося человека. Но больше всего вызывала неприязнь его неухоженная взъерошенная бородка, в которую уже затесался чей-то смятый окурок.

– Ну, не злись ты... Трубы горят, на выпивку не хватает, – пробормотал он опять, показывая умоляющим взглядом на свой единственный мольберт.

– Совести у тебя не хватает, совести, – сказала невзрачная женщина, злобно сверкнув глазами, и попыталась объехать назойливого алкоголика.

– Здравствуй, здравствуй, моя хорошая... Это я Федор Кузьмич... – улыбался он тогда, обращаясь уже к самой девочке. – Ты меня не узнаешь? Мы же договаривались на один портрет еще весной...

Но девочка как будто не видела ничего перед собой. Ее головка с редкими белесыми волосиками покачивалась от движения коляски по неровной брусчатке и как-то неестественно свисала набок. Словно она не в силах была поднять ее или долго держать на шее, и худож-

ник вздрогнул, поразившись потухшим, полным безразличия взглядом измученного болезнью ребенка.

– Что с ней? – с большой тревогой воскликнул он, испуганно посмотрев на невзрачную женщину, которая немного смутившись, все же ответила ему и вынуждена была остановиться.

– С каждым разом нам все хуже и хуже, – выговорила сквозь зубы она, все еще сердясь, что ее не пропускают, и толкнула коляску прямо на него. – Пусти, Иуда, мы опаздываем.

Это обидное хриstopродавническое прозвище, словно нож, ударило его и без того в болезненную печень. Он опустил обреченно руки, едва сдерживая приступ острой боли, и, давя эту невыносимую боль, с поникшей головой поплелся к мольберту. Там он рухнул на свой раскладной стульчик и загрустил еще больше, взявшись руками за голову. Затем он бросил уголек в жестяную коробочку, в которой когда-то много лет назад лежали леденцы, и стал сворачиваться.

– Как же так, как же так! – шептал он, кусая, чтобы затушить эту жгучую боль, длинный рукав своего свитера.

Невзрачная женщина тронулась дальше, и кто-то из сердобольных прохожих даже догнал коляску и положил на шерстяной плед пару некрупных купюр. Но девочка совсем не среагировала на это, уставившись грустно куда-то себе под ноги, все также безмолвно покачивающиеся от тряски. И когда женщина, судя по всему, ее родная мать (они были похожи изгибом нижней губы), перекрестилась и забрала деньги себе, рассовывая их по карманам как-то неуверенно, словно стесняясь чего-то и стыдясь, девочка в коляске вдруг словно очнулась от глубокого сна. Так получилось, что она подняла головку, внимательно разглядывая, что вокруг происходит и узнала художника, сворачивавшего мольберт, и слабая улыбка появилась на ее измученном и усталом лице...

– Ах, Козломордый, – сказала она тихо, почти не шевеля губами. – Сегодня у Вас совсем не клеется.

Старик-художник, которого девочка назвала таким непристойным именем, совсем не обиделся на нее, а, напротив, вскочил с места и радостно засмеялся.

– Очнулась, очнулась, спящая красавица. Вот и молодец! Сегодня прекрасная погода, – сказал он, взмахивая рукой в московское небо. – Бабье лето... Свет падает идеально, и я просто не переживу, если мы упустим время... Я же обещал тебе, но твоя мама не хочет.

– И правильно делает, что не хочет, – проворчал мимо идущий прохожий, насупив брови. – Развелось тут мастеров, как мошек-дрозофил над прокисшим компотом. Рисуют всякую хрень – рожи не рожи, а черти что с крылышками. И еще это все модным словом называют – инсталляциями! Неужели, чтобы понять, что это дерьмо, в него нужно обязательно вляпаться? Настоящее искусство должно взывать к чистому и прекрасному!

– А Вы, сударь, идите своей дорогой! Ваше мнение мы не спрашиваем, – обиделся Козломордый. – Вы его не слушайте. Это происки конкурентов. Люда, а Люда, ну сто рублей жаль тебе на бутылочку красного? Мы даже можем ее распить с тобой вместе где-нибудь в переулке или у меня в каморке... А?

– Мерзавец, ноги моей больше не будет в твоём гадюшнике! – вспыхнула в гневе невзрачная женщина. – Поедем, Вика. Нам надо еще захватить в церковь, а потом к врачу. Твой Козломордый – мошенник. Не трать свое драгоценное время на бездарности, не совершай ошибки своей матери.

Но девочка не послушалась, и ее худые руки с изгрызенными ногтями хищно вцепились в деревянные подлокотники. Видно было, что у нее, не смотря на прогрессирующую болезнь, оставался бунтарский и упрямый характер.

– Постой, мама. Я правда хочу свой портрет. Я знаю, он рисует неважно. Его даже били тут за углом. Я слышала эту забавную историю от импрессионистов там у «Праги».

– Он рисует совсем не похоже, – нахмурилась мать, едва смягчившись.

– А зачем мне сходство, мама? Мне сейчас, напротив, хочется быть совсем непохожей на себя, даже повзрослее чуть-чуть... хотя бы на пару лет... покрасивее. А то я боюсь смотреть в зеркало, не зря все зеркала в нашем доме закрыты. Как будто кто-то умер...

На глаза невзрачной женщины навернулись слезы. Она тяжело вздохнула, не желая спорить с дочкой, и подкатила инвалидную коляску к мольберту.

– Хорошо, старый мошенник, только учти, я тебя предупреждала.

Художник заметно оживился. Он важно сел на раскладной стульчик, погладил лист на мольберте и, сдувая с него пылинки, задумался. В этой задумчивости он вытянул вперед свою козлиную бородку, словно настраиваясь на шедевр. Затем его как будто осенило, и он взял опять черный уголек из жестяной баночки и сделал первый штрих.

– Уверяю Вас, Вика, – сказал он вполне серьезно. – Если Вам не понравится, я обещаю бросить пить навсегда... Честно слово, честно.

– Ну да, – ухмыльнулась мать девочки. – Знаем мы Вашего брата.

– Мама, пожалуйста, не мешай ему настроиться... – и девочка выпрямилась в удобную позу. – Ведь, правда, что в Вашем деле важен настрой?

– Безусловно, – кивнул Козломордый, – но я, если честно, научился работать и без настроя, в совершенно стрессовых ситуациях. Ведь обязательно кто-то да скажет за спиной, что я рисую неправильно или что-то в этом роде. Народ у нас любит высказываться на чистоту. Да, сударь? – обратился он к кому-то, особенно любопытному, за своей спиной.

Действительно, там стоял мужчина в кожаной куртке и наблюдал за процессом работы.

– Что, правда, то правда. Все эти сделанные на скорую руку наброски меня не впечатляют, – признался тот, застигнутый врасплох. – Но важно, чтобы рисунок понравился, прежде всего, самой девочке.

– Ну, а ей понравится, извольте не беспокоиться! – усмехнулся мастер, как-то дерзко и размашисто сделав несколько свежих штрихов.

– Очень надеюсь. Мне даже интересно, как Вы обыграете уже начерченный ранее бокал.

И, действительно, на листке бумаге в самом центре мольберта уже были прорисованы очертания бокала на тонкой, изящной ножке, и невзрачная женщина, тоже заметив это нелепое несоответствие, сказала с укором девочке:

– Вот, видишь, Вика, у него даже чистого листа нет. Совсем допился дурень. Одни рюмки рисует. Пойдем отсюда...

– Нет, мама, останемся, – настойчиво ответила ей дочь и ее ладошки сжались в слабые кулачки. – Это мой каприз. Пусть меня он рисует и только он. К тому же, Козломордый – мастер по сюрреализму. Не так ли, Козломордый? Вас еще не били местные сюрреалисты?

– Пока еще нет, – смутился старый художник, немного испуганный своим неожиданным разоблачением. – Я никаким боком не собираюсь отнимать у них их хлеб. Я всегда слыл и буду слыть сторонником исключительно классической школы, и только сейчас в самом исключительном исключении позволю резкий разворот в сторону. Уверяю Вас, моя благородная девочка, никто даже не заметит этот полупустой бокал. Я так искусно обыграю все, что даже самый ненавистный мой непочитатель невольно склонит голову в знак уважения моему бездарно пропавшему таланту.

Затем после такой эпатажной речи он очень неприветливо посмотрел на мужчину в куртке, и в его осоловевшем взгляде без труда угадывалось «Кто Вас, болван, просил болтать лишнее?» Ведь позирующей девочке и ее матери не было видно, что рисует уличный художник: мольберт закрывал им обзор. И чтобы быстро исправиться и доказать, что девочка не ошиблась в выборе настоящего мастера, Козломордый очень удачно передал серое небо, замывое солнце, расплывающееся, словно нагретое сливочное масло, по маковкам церквей, строгие контуры арбатских крыш, и даже сизых голубей, парящих над ними. Казалось, он все еще не решается приступить к самому главному – образу девочки, ради чего и было все это затеяно, и проходя-

щие мимо люди даже задерживались, с любопытством и интересом гадая, когда же и куда же будет вставлена в общую экспозицию его несчастная натурщица.

Но как истинный гурман, самое вкусное оставляющий «на потом», он все еще медлил, и, глядя на ожившее лицо девочки, он виновато уводил свои иссохшие глаза и как будто плакал. Этот душевный невидимый плач особенно передавался в резких движениях его правой кисти, держащих огрызок уголька, и казалось, что он вот-вот выронит его из рук.

В самый разгар работы к мольберту подошла со стороны Макдональдса группа из восьми-десяти человек, преимущественно женщин в одинаковых угах. Это были, очевидно, туристки из Поднебесной. Они шумно что-то между собой обсуждали и даже поднимались на крик. У каждой из них был айфон, гоу-про и большая профессиональная камера. Гости столицы снимали все, что видели, и прямо на ходу выкладывали свои довольно качественные фотографии в свои китайские соцсети. Девочка в коляске улыбалась, видя, как хмурится художник, пытаюсь сосредоточиться и абстрагироваться от этого шума.

– Ну, вот орда набежала... – ворчал он про себя. – Каждый божий день ходят туда-сюда и все снимают меня, снимают. Я у них в Поднебесной, наверно, звезда интернета, медийная личность.

Над его ухом в это время кто-то чавкнул и мощно втянул через трубочку остатки молочного коктейля. Момент был ответственный, и Козломордый попросил окружающих зевать не галдеть, а позирующую ему девочку вообще не шевелиться, хотя она итак сидела неподвижно в какой-то удручающей страдальческой позе. Но, правда, в ее больших черных глазах уже блеснул шаловливый свет, а на ее лице впервые за долгое время появилась смешная, пародирующая самого художника, мимика, что сильно позабавило толпу, и все весело засмеялись.

– Перестаньте, перестаньте, хулиганы! – выходил из себя Козломордый, сильно походя на старую ворчливую бабку. – Вика, и ты прекрати паясничать, а то и, правда, шарж получится.

– И хорошо, что получится! – уже хихикала вместе с зеваками девочка. – Тогда ты наконец-то бросишь пить, Козломордый... Ведь ты мне обещал...

– Так нечестно, нечестно! Ну, пожалуйста, ради большого искусства еще две минутки пострадай, а? Где твоя глубокая печаль, где вечное уныние?

– А ты меня веселой рисуй, счастливой, – не слушала она мольбы мастера и даже напротив показывала мужчине в кожаной куртке свой кончик языка и строила глазки. Она его сразу выделила из толпы, и их взгляды часто пересекались.

Китайцев и в самом деле заинтересовало «большое искусство», рождающееся на глазах под взмахами руки Козломордого. Один из них, мужчина в легком пуховике и меховых наушниках, вдруг присел у коляски больной и пощупал деловито, хорошо ли надуту колесо.

– Хороша каталка... – выговорил он по-русски, показывая всем свои удивительно белые и ровные зубы. – Электромотор.

– Не работает, – пожаловалась ему девочка. – Сломался сразу, вот мама и толкает...

– Ай-ай. Чинить надо, – расстроился китаец и подлез под колесо, дергая за торчащий провод. – Капец, капец.

Русское слово «капец», обозначающее конец, удавалось ему без акцента.

– Короткое замыкание, – проговорил он чуть позже, быстро разобравшись с проблемой. – Нужно новый предохранитель. Заказать по интернет. И каталка поехать. Мама не нужна.

– Ой, мама мне всегда нужна! – улыбнулась девочка и вдруг чихнула.

– Ай-ай, – покачал он головой и достал из-за пазухи согревающий пакет размером с ладошку и стал объяснять, как он работает.

Оказалось, что в пакете есть железная крошка, которая при доступе кислорода вступает с ним в реакцию и вырабатывает тепло.

– Русская зима жуть, – признался он, протягивая свой подарок. – Мы их под одежду засовываем, в сапоги и варежки. Полезный штук.

– Ой, спасибочки! – обрадовался девочка. – Я это как раз в свой носочек засуну, а то ножка замерзла.

Добрый китаец между тем стал объяснять ее матери, что когда-то он то ли работал на фабрике по производству таких колясок, то ли продавал их, и знает, как ее починить. Он чиркнул карандашом на предложенной ему бумажке даже тип и серию нужного предохранителя и показал, где нужно его заменить.

– На Али экспресс заказ делай. Когда придет, вот тут отвертка открутить и вставь. Всего делов.

Пока происходила диагностика коляски, одна китайянка в шифоновой юбке при помощи селфи-палки сфотографировала себя на фоне позирующей девочки. Для разнообразия она захотела сделать снимок без своей поверх накинутой шубки и даже разделась, но ее соплеменницы в довольно грубой форме отпихнули ее в сторону, и между ними на улице возникла откровенная склока с применением локтевых приемов и хватанием за одежду и волосы. Все хотели первыми сфотографироваться с бедным ребенком и выставить это фото в сеть, и художник был вынужден даже прикрикнуть на нерадивых гостей и отогнать их от мольберта.

– Уходите, уходите! Вы мне загораживаете свет. Что тут за кулачные бои устроили?

У него на мольберте уже вырисовывался профиль. Свою молодую натурщицу он все же решил изобразить устроившуюся поудобнее в какой-то беспечной позе русалки на самой вершине бокала с откинутой назад головой и оголенными плечами. Он старался (это получалось у него не сразу) убрать всю болезненность и страдание, заменив их беззаботной радостью и желанием наслаждаться жизнью. Чтобы не провалиться в винную бездну и не утонуть в ней (край ее длинного платья уже спадал вниз), девушка упиралась локотками рук о тонкое стекло, и играла перед собой скрестившимися босыми ножками. Художник несознательно, а, может, намеренно придал Вике больше женственности. Он добавил ей пышности в шевелюре, слегка увеличил грудь, и даже прорисовке глаз уделил так много внимания, что китайянки захотели тоже заказать свои портреты, так сказать, свои улучшенные копии, и долго на ломаном языке и при помощи жестов объясняли художнику свои пожелания, сильно отвлекая последнего от работы.

– Вставайте вот сюда, не мешайте, – стал распоряжаться художник, явно довольный таким раскладом. – И никаких скидок! Мы не на базаре, сударыни.

Китайцы организованно встали в очередь по два человека. К ним еще присоединилось несколько зевак, и соседние художники, заметив ажиотаж вокруг своего коллеги-неудачника и, невзирая на его протесты, попытались переманить перспективных клиентов к себе, но публика оказалась на удивление уперта и непреклонна. Некоторые даже гордо отворачивались в сторону, мол, не на тех напали. Видимо, китайцы и вправду посчитали, что перед ними как минимум еще непризнанный гений, и как максимум настоящий Пикассо или Рембрандт.

– Ну, почему долго она рисовать? – не выдержал кто-то на конце этой хорошо организованной очереди. – Мы опоздать экскурсия Кремль в два часа.

– Не волнуйтесь, сударыни. Все успеют, – выговорил художник, не отводя взгляда от работы. – Я стараюсь всегда уложиться в десять минут. Просто сегодня исключительный случай.

– Вот видите, – улыбнулась больная девочка. – Я приношу Вам удачу, господин Бородка.

– погоди, не шевелись... – вдруг встрепенулся художник. – Улыбайся, улыбайся, замри... Вот умничка! А тебе и правда идет улыбка! Отлично получается.

– Я давно заметила такой феномен за собой, – продолжала болтать девочка, – что я приношу удачу. Правда, правда. Вы – наглядный пример, Козломордый. Еще час назад Вы готовы были продать душу дьяволу, чтобы хоть кто-нибудь согласился на эксперимент издевательства над своим изображением, а сейчас к Вашему мольберту выстраивается целая армия Ваших поклонниц!

– О... точно армия... – оглянулся художник и присвистнул, прикидывая, сколько ему еще придется сегодня трудиться.

– Как бы эта иноземная армия его б потом не растерзала, – усмехнулся мужчина в куртке, стоявший рядом.

Девочка засмеялась.

– Нет, пожалуйста, нет. Только не смейся! – нахмурился художник и затем повернулся в сторону шутника, раздражено сверкнув глазами. – А Вам, смотрю, делать нечего.

– Делать и в самом деле нечего, – грустно вздохнул мужчина в куртке. – Жена выгнала, на развод подала, с дочерью общаться не дает. Денег нет, жить негде. Вот я и с мыслями собираюсь.

– Тут весной такой тип ходил важный, тоже ему делать было нечего, все с мыслями собирался, потом в ресторан зашел, тут за углом, набрал всего-всего, а, в конце концов, когда счет принесли, с разбегу головой о стену... – и Козломордый покрутил пальцем у виска.

– Ну, мне это ни к чему, – засмеялся его оппонент. – Я на море лучше поеду. Там, возможно, еще сезон бархатный. Купаться можно. Эх...

– Неужели Вы собираетесь на море? – воскликнула девочка.

– Да, собираюсь, а что тут делать? Разве что рядом становиться с кисточками и тоже рисовать.

– Нет уж, избавьте от этого! – возразил художник, очевидно опасаясь ненужной конкуренции.

У него наконец-то получилась грустная улыбка, и он занялся прорисовыванием ямочки на левой щеке. Китайцы за спиной одобрительно закивали, дожевывая гамбургеры. Кто-то из них даже щелкнул фотоаппаратом недорисованный эскиз.

– Вас совсем не пугает море? – спросила опять девочка.

Мужчина в куртке отрицательно покачал головой.

– А чего меня оно должно пугать? Море как море.

– А я море как-то побаиваюсь... – призналась тогда она.

– Почему же?

– Стыдно признаться, но мы с мамой никогда раньше не были на море. И от этого море мне кажется каким-то большим дышащим монстром. Иногда оно мне даже снится, как оно тянет ко мне из глубин эти страшные щупальца... Ведь никто не знает, что оно там в себе таит, это море?

Мужчина улыбнулся.

– А ты представь лучше теплое солнышко, как идешь с мамой по пляжу, возвращаясь с рынка, и кушаешь крымскую черешню, а косточки прямо на песок плюешь.

– Нехорошо это, что плюешь, – нахмурилась девочка.

– Напротив, прекрасно это! – воскликнул мужчина в куртке. – В этом и есть счастье, что никто тебе и замечание не делает, что плюешься-то. Черешенка ведь вкусная- вкусная, так и тает во рту...

– Пожалуй, Вы правы, устала я от этих запретов. То нельзя, вот это тоже нельзя... А когда можно? Я непременно хочу быть счастливой, – и девочка улыбнулась и посмотрела на маму. – Чего мы, мама, ждем все, а? Купим прямо сейчас пакетик черешни и плевать косточки в разные стороны будем, а мама? Прямо на асфальт плевать будем...

– Да уж! Вы ей сейчас насоветуете! – возразила невзрачная женщина и погладила свою дочь ласково по головке. – Где я тебе, Вика, сейчас черешню достану?

– Эх, верно... – расстроилась девочка, закусив губу от досады. – Может тогда следующим летом. Если, конечно, не умру.

– Вика, что ты такое говоришь! Ты же обещала! перестать разговаривать с посторонними о своей болезни, – сильно встревожилась мама.

– Они вовсе не посторонние, – фыркнула она в ответ. – Они люди и тоже когда-нибудь умрут. Между прочим, я имею право разговаривать с кем я хочу и как хочу. Мне уже пятнадцать лет, а в некоторых странах в таком возрасте выходят замуж.

– Ну, уж точно не у нас в России, – возразила мать. – И слава Богу. Куда такая наивная замуж собралась! За кого? Нет уж, пока тебе не исполнится восемнадцать лет, и не думай о самостоятельности...

– Мама, мама, ты забываешь, что мне никогда не исполнится восемнадцать лет!

– Да что ты такое говоришь, Вика!

– Не обманывай меня и себя, мама. Я все слышала, что доктор в последний раз говорил, да и слышать этого не надо. По твоим заплаканным глазам все видно. Будь реалисткой, мама...

Глаза девочки вдруг сверкнули жестокостью. Она опять сжала в каком-то протесте свои слабые кулачки, пытаясь преодолеть гнев и понимая, что обидела мать, и вдруг горько расплакалась. Ей стало неудобно за слезы перед людьми.

– Мама, увези меня отсюда, увези! – запричитала она. – Пожалуйста, мамочка...

Невзрачная женщина тяжело вздохнула и откатила коляску от мольберта. Художник бросился за ними, умоляя хотя бы подождать минуту. Рисунок углем почти был закончен, но мама Вики не желала слушать его обрывистые доводы.

– Люда, ну как же так? Как же так?

– В другой раз закончим, не видишь, у нее истерика – строго сказала она, отмахиваясь от Козломордого. – Завтра, может быть, к обеду придем.

В мастерской художника

Но на следующий день невзрачная женщина и ее больная дочь не появились. Может быть, у них были веские причины или какие-то еще дела, и художник в потасканном оранжевом свитере заметно скучал, вглядываясь в незаконченный портрет девочки. Он сидел на своем раскладном стульчике под самодельной конструкцией из пляжного зонтика и треноги, сделав несколько неторопливых штрихов углем по памяти, пока не остановился, не желая портить картину. Желаящих нарисовать свой портрет было немного. Утром прошел прохладный дождь, который разогнал гуляющий люд, и многие просто предпочитали отсиживаться в кафешках. Но на улице художник был не один. Вчерашний мужчина в черной куртке тоже пришел посмотреть на работу. Он некоторое время слонялся без дела по Арбату, пока, наконец, не остановился у мольберта с незаконченной девочкой.

– Кажись, уже не придут, – печально заметил Козломордый. – Выпить бы чего-нибудь, трубы горят.

– Тут вчера на Арбате дегустация отличного вина была, – заметил мужчина в куртке. – Бесплатно разливали!

– Эх, молодой человек. Кому бесплатно, а кому задаром, – и он подмигнул левым заплывшим глазом. – Меня уже никуда не пускают. Подмочил свою репутацию ниже некуда. Хотя и денешки уже есть. Спасибо китайцам.

– Зато я вхож в лучшие дома ЛандОна! – похвастался мужчина в куртке.

– Ну чего ж тогда мы медлим, точно девица на выданье, – воскликнул старик и достал из кармана скомканные деньги. – Боюсь, этого не хватит.

– Я добавлю, – утвердительно кивнул мужчина в куртке и, перебросившись еще несколькими фразами с художником, пошел в грузинский дворик за бутылкой.

Ему хотелось взять «Саперави», которое вчера ему очень понравилось, и он очень рассчитывал, что на второй день дегустации для него все же останется хоть одна бутылочка.

– Опять Вы, здравствуйте... – обрадовалась ему грузиночка на входе.

– Здравствуйтесь, вот пришел, как и обещал, – ответил он. – А где же Ваши грозные братья? Девушка засмеялась.

– Они сейчас кушают с мамой в зале. Что... познакомить?

– Ой, нет, пока еще рано, – улыбнулся мужчина в куртке. – Я лучше Вас потом украду.

Скоро он уже вышел на улицу очень довольный тем, что как раз одна бутылочка «Саперави» была припрятана организаторами акции словно специально для него, на черный день и поспешил к мольбертам. Старый художник, немного продрогший под морозящим дождем, предложил продолжить разговор в его мастерской, которая, как оказалось, находилась тут по соседству, и «старые» знакомые быстро, почти перебежками, прошли во дворы и, заскочив в обшарпанный подъезд с новым домофоном, пешком поднялись на самый верхний этаж.

– Не люблю осень, – поморщился Козломордый, прикрывая форточку.

Через единственное окно тянуло сыростью.

– А мне нравится осень, – не согласился с ним мужчина в куртке. – Особенно прекрасен в это время года Саперави. Вы только представьте, как Вы бредете мимо его бесконечных шпалер, уходящих за горизонт, к самому солнцу, обвитых сильными, яркими, точно пожар, лозами! Это единственный виноград в мире, который к сентябрю-октябрю имеет характерную ярко-красную окраску листьев.

– Ну, знаете ли... Все это пахнет какой-то болезненностью ума, если хотите, маньячеством. Там на вашем винограднике работать надо, урожай собирать срочно, и уж никак листовой любоваться. Подумаешь, красные листья. Вон у нас клен на углу тоже красный весь, и что из этого?

– Но Вы же художник! Вам необходима близость с природой, чтобы вдохновляться...

– Вообще-то, когда я был молод, как Вы, – признался Козломордый, – я начинал с подобных пейзажей, рисовал дождь над безлюдным вспаханым под зиму полем, тронутую морозом рябину, старых опят на трухлявом пне, но сейчас я все больше специалист по бытовым натюрмортам... Это удобнее, и куда гораздо меньший риск простудиться. Вам надо взглянуть на мои последние картины, заказов немного, и я рисую от скуки... – и художник с козлиной бородкой показывал гостю свои последние «шедевры».

У стены стоял столик, который был заставлен частично посудой и пустыми бутылками, но все равно гостю удалось разглядеть под ними самобытную скатерть из ватмана с изображением пепельницы с дымящимся бычком. Издалека она выглядела вполне реалистично, но при рассмотрении заметны были изъяны. Очевидно, рисовал ее художник пьяным. Причем, недокуренная сигарета слегка дымила плохо прорисованным дымком, а на фильтре остался след от губной помады, что придавало общему образу присутствие некой загадочной женщины.

– Иногда смотрю на все это и мысленно достаю оттуда закусочку... – указал Козломордый на другой свой шедевр синим углем – банку с огурцами. – Да, знаю... Синий цвет не совсем аппетитный, но уж простите. Я свободный художник и имею право на эксперименты. И признаюсь Вам, когда курить ужасно хочется, а денег нет... все это успокаивает. Ну, или вот эта банка шпротов! Соглашусь, что не удалась, но очень уж реалистично, – и художник сдвинул со стола тарелку, чтобы его гость мог лучше разглядеть угол уже затертого и запаченного чем-то рисунка.

Молодой мужчина с любопытством оглянулся. Мастерская художника представляла собой чердак, едва пригодный для проживания. Из-за низости потолка гостям приходилось невольно пригибать голову, чтобы не задеть головой побелку. Стоять в полный рост можно было разве что в центре, но там художник ставил обычно свой уличный мольберт и складывал вещи. С потолка стекал конденсат, и стены все были в разводах. Выступающую напоказ разруху художник старался прятать за своими же рисунками, обклеивая ими невзрачные места, но от сырости скотч не выдерживал, и листы, вздрагивая от порыва сквозняка, спадали на пол. В большей своей части, все эти работы являлись посредственными, начерченными неаккуратно углем или пастелью. Среди них удачно выделялись лишь изображения цветов, но были и умелые наброски каких-то античных кувшинов и предметов быта художника.

У единственного окна стояла железная ржавая кровать, на которой дремал черный кот. Когда гость вошел, котяра приоткрыл глаз и демонстративно зевнул, показывая всем своим видом явное пренебрежение к вошедшему.

– Простите за творческий беспорядок, – оправдывался художник, на ходу пытаясь убраться, когда его гость с непривычки съехался.

К запахам старого дома, вперемежку с красками и застоявшейся кошачьей мочой, нужно было еще привыкнуть. На полу валялись кисточки, клочки разорванного ватмана. Мужчина в кожаной куртке стряхнул с себя откуда-то взявшуюся паутину. От всего этого общее впечатление у него было удручающим.

– Вы тут живете? – спросил он, хотя уже заранее знал ответ.

– И живу, и творю, но творю большей частью зимой, когда погода ужасная, – виновато улыбнулся уличный художник, предлагая гостю жестом присесть на стул рядом со столиком.

Мужчина охотно кивнул, так как приземистый потолок давил на него. Пригнувшись, он постарался сесть лицом к окну. Ему было важно сейчас слышать Арбат, так как нахождение в этой убогой дыре нагнетало на него еще большее уныние.

– Тут вполне сносно, – продолжил художник, прогоняя сонную муху с немой тарелки. – Все-таки самый центр, только никакой канализации.

– Почему нет канализации?

– С нижних этажей не дают провести, якобы нужно специальное разрешение из министерства культуры. Дом под охраной государства, тут видите ли когда-то бордель располагался, в который любили ходить... как его... А, неважно! А вот то, что я вынужден бегать в Макдональдс по каждому случаю, либо где-то во дворе с собачками выгуливаться, это никого не волнует. Ругаться бесполезно, писать в прокуратуру себе дороже... Для них я обычный пьянчужка, который за бутылку малюет на Арбате лохам физиономии. Эх, признаюсь, есть грешок... Вы знаете, про меня местные даже шутку сочинили. Зимой и летом одним цветом. Это оттого, что я в одном свитере щеголяю. Меня даже в последнее время в «Прагу» не пускают, мол, неподобающий вид, нельзя! И это меня, ученика самого Колотева!

Козломордый тяжело вздохнул и стал убирать со стола, чтобы освободить пространство. Мужчина в куртке понял намек и достал из-за пазухи бутылку вина.

– Ну, что ж, как и обещал, – сказал он художнику. – Кстати, это Саперави. Вино должно быть, очень насыщенным... Не зря этот сорт называли в древности еще Красильщиком. Ваш коллега, так сказать.

Козломордый восторженно и даже подпрыгнул на месте, в акробатическом прыжке успевая перебраться ногами. От этого чудачества кот вскочил с постели и на всякий случай нырнул под кровать. Его хозяин заметно повеселел и удовлетворенно погладил бороду перед зеркальцем над столиком.

– Вот это я понимаю! Вот это я уже понимаю... – и он схватил бутылку и с видом знатока стал рассматривать ее.

Затем он достал чашки, заглянул в них и остатки чего-то предыдущего и непонятного просто выплеснул на пол.

– Чем же открыть, чем же... – поразмышлял он и после некоторых манипуляций с вилок его зубы вцепились в застрявшую на половину пробку.

Гость привстал. Ему было неудобно, что он сидит, а художник, который был намного старше его, стоит, но тот лишь замахал руками.

– Сидите, сидите... У меня есть раскладной стульчик! Давайте чокнемся... Вот только за что?

– За нее, – и гость показал на мольберт с недорисованной девочкой и заметно помрачнел.

– Тогда и за ее родную несчастную мать! – добавил трагедии Козломордый.

Выпив до дна, художник довольно крикнул, точно от водки, и, впиваясь жадно глазами в рисунок с солеными огурцами, занюхал смачно рукав своего свитера. Потом он словно опомнился и снова плеснул себе в чашку. Его опухшие глаза затуманились.

– Ох уж точно спирт добавляют, ох уж точно... – поморщился он, явно не оценив вкус великолепного напитка и поправляя на себе шапочку художника. – Капиталисты хреновы! Сталина на них не хватает. Вы читали состав?

– Нет.

– В следующий раз читайте. Хотя и тому, что пишут на этикетке верить нельзя.

Затем художник печально вздохнул, украдкой оглянувшись на свой мольберт. Казалось, большая девочка с вымученной улыбкой наблюдает за пьющими в ее честь людьми.

– Вика – добрая девочка, – сказал он немного спустя, – я часто вижу их на Арбате.

– Они тоже где-то живут поблизости? – поинтересовался гость.

– Насколько я знаю, живут они в Куево-Кукуево у какой-то дальней родственницы, а здесь они выклянчивают деньги, тут близехонько за «Му-му» есть банк. Директор этого банка жуткий скупердяй, отец девочки.

– И что же он совсем им не помогает?

– Пока нет, но Люда решила взять его измором, – ухмыльнулся Козломордый. – Девочке нужно поддерживать свое хрупкое равновесие уколами и различными процедурами, а на все

это нужны деньги, очень большие деньги. Как видите, мне что-то удалось узнать у ее озлобленной на меня матери, – и Козломордый усмехнулся.

– Почему же эта женщина на Вас так злится?

– Это долгая история...

– Я не спешу, – и мужчина в куртке, взяв инициативу в свои руки, сам наполнил чашки, пока художник с убранными за спину руками, тяжело вздыхая и охая, ходил по комнате, собираясь с мыслями.

– Вы же знаете, – нахмурился хозяин чердака, зачем-то тыча пальцем в потолок, – это нелегко вот так взять и погубить свое женское счастье, бросить все свои силы на алтарь страданий, свыкнуться с вечными истериками и криками тающей на глазах дочери, пройти ад унижений...

– А что с этой девочкой? Это что-то врожденное?

– Что Вы, нет! – покачал головой художник. – Вика родилась абсолютно здоровым ребенком, но года два назад, как я понимаю, врачи обнаружили у нее синдром иммунодефицита, причина возникновения которого мне досконально не неизвестна. Произошел какой-то сбой, внутренние органы отказываются работать, нужны постоянно поддерживающие капельницы и консультации, витамины, а на это уходят почти все деньги... И все это продолжается уже года два с лишним, если не больше, и никаких улучшений. Только хуже и хуже. Но Людочка, мама Вики, верит в чудесное исцеление, жутко набожной стала, даже в воскресную школу записалась, колокольчики какие-то делает. Да и я сам тоже иногда в церковку захожу, свечечку ставлю, так, на всякий случай. Мы из-за всех этих дел просто рехнулись на этой почве, и неудивительно, что все, что происходит вокруг, воспринимаем, как божье провидение. И недавно у нас появилась надежда.

– У нас?

– У нас, – Козломордый смахнул скупую слезу, нависнув тучей над гостем.

Видно было, как он всеми силами борется с переживаниями, как глотает каждое слово. Мужчины молча чокнулись, осушая чашки до дна, и слышно было, как в этом затянувшемся молчании жужжит запутавшаяся где-то в паутине муха. Затем Козломордый нервно прошелся по комнате, поднимая руки вверх, намеренно и с каким-то ожесточением отколупывая ногтями побелку. Она сыпалась ему на шапочку, точно снег.

– Господи, я тут схожу с ума, – шептал он, сверкая нездоровым, почти безумным блеском глаз. – Ненавистная комнатка! Ненавистная...

И когда он остановился под наброском вазы с яблоками, то мужчина в куртке даже зажмурился, ожидая, что эти плохо начерченные яблоки от столь резких жестов посыплются на голову безумцу. И если вначале гость объяснял все эти театральные кривляния на публику утонченностью натуры, ищущей пути и выходы из творческого застоя и затянувшегося душевного кризиса, то сейчас уже не сомневался в том, что художник этот как-то незаметно для всех спятил.

– Вы знаете, сколько стоит эта каморка? – продолжил художник в каком-то душевном отупении, оглядываясь по сторонам, будто в первый раз видя перед собой эту комнату. – Один банк, тоже здесь на Арбате, заинтересован в ее приобретении. Я даже навел справки и, по крайней мере, залога под нее должно хватить...

– Хватить на что?

– Да, да... Профессор Беркович и так идет нам на встречу. Вы скажете сразу «О, опять новый шарлатан!», сложно сказать, но у нас с Людой нет выбора. – и художник вдруг перешел на шепот. – Я скажу Вам по секрету, есть уже исцелившиеся, только все это пока скрывается, никому ни-ни.

– Я понимаю, – кивнул гость.

– И Люда собирает на это средства, только вот Вика не может больше ждать, болезнь прогрессирует. Еще в начале лета я видел эту девочку на ногах, розовощекую, улыбающуюся и разгуливающую под руку со своей любимой мамой, а сейчас глядя на все это, невозможно даже представить... И я, признаюсь, потерял покой и сон от понимания того, что могу помочь этим случайным мне людям и не помогаю.

– Почему же тогда не помогаете?

Козломордый встал перед гостем и, глядя ему прямо в глаза, строго спросил:

– Вы когда-нибудь, сударь, совершали подвиг?

Мужчина в куртке задумался, не сразу находя, что ответить.

– Ну, там спасение утопающего или, может, вытаскивали кого-нибудь во время пожара? – подсказал художник. – Или, может быть, Вы заступились за женщину перед хулиганами?

– Сложно сказать. Я никогда не задумывался над этим. Моя жизнь всегда текла по течению. Одни вещи были, которые я делал неумышленно, другие потому, что другие говорили, что так надо делать. Вчера я помог подняться одному упавшему...

– Как я Вам завидую, сударь! Как я Вам завидую..., а я даже этого не сделал. Сколько себя помню, жил все время для себя, думал, пушай другие из себя благородных девиц изображают, в ус посмеивался... Думал, мое дело тихое, обхитрю эту жизнь, а под конец, может, и куш сниму. Ан нет! Одиночество и подагра – вот мои прихлебатели. А, впрочем, что я говорю! – и он махнул безнадежно рукой. – Мы все зарываем голову в песок, когда видим чужие страдания, считаем, что нас это никогда не коснется.

– Да, тут Вы правы, – согласился мужчина в куртке. – Мы живем в царстве страха и безразличия...

– Вот-вот, метко подмечено, сударь! Страх и безразличие... Отдать последнюю рубаху может далеко не каждый... Тем более, такой как я, старый самовлюбленный хроник. Выкинуть себя добровольно на помойку, отдаться этим мошенникам! Вот отчего каждый раз, заслышав скрип инвалидного кресла, я вздрагиваю, осознавая, что у меня есть возможность – спасти эту детскую жизнь. Признаюсь, я даже ушел в запой, не выдержав напряжения, и это, может быть, сыграло потом злую шутку... Ведь я обещал ее матери в пьяном угаре, бив себя в грудь при случайных свидетелях, что помогу ей с лечением... И мы даже ходили с ней в банк, и там обещали без вопросов дать под залог этой хибары проклятые десять тысяч... О, Вы бы видели, как сияло лицо этой прекрасной женщины! Оно сияло надеждой и бесконечной благодарностью. Да что благодарностью! Оно сияло любовью ко мне, и, глядя на это лицо, я, вдруг испугался, что не оправдаю эти надежды. Да, сударь! Мне стало очень страшно...

– Чего же? – спросил гость, чувствуя, как страх рассказчика невольно проникает и в его душу.

– Мне стало страшно, – продолжал художник, – что я не герой, что все, что я делаю сейчас, делаю для себя, для подлой галочки, что в этой моей ущербной подлости мне только одного и надо, чтобы толкнуть обманутую женщину на эту грязную кровать и что она в такой безвыходной ситуации никогда не откажет мне в моей пошлости... Да и кто я такой, чтобы жертвовать собой ради других? Чем они лучше меня? На то есть государство, олигархи, кто-то еще, чтобы разбираться в этих щепетильных вопросах, но никак не я, жалкий, никчемный старик... – и он вдруг зарыдал, закусив кулак. – О, я подлец! Ну, налейте же, не томите...

Мужчина в куртке уже разливал остатки, когда рассказывающий со слезами подскочил к столику и схватил чашку двумя непослушными дрожащими ладонями.

– Да, я передумал, – продолжил Козломордый. – Струсил в тот самый момент, когда она уже уверовала в исцеление своей дочери и боготворила меня... Вот почему она меня ненавидит! И правильно делает...

– Это жестоко...

– Жестоко, не спорю... Но я и, правда, верил, клянусь Вам, до последней минуты своей веры верил, что смогу решиться на эту сакральную жертву... Вот посмотрите, как далеко я зашел...

Козломордый посмотрел на обрывки разорванных листов под ногами и стал подталкивать их куда-то под столик, сшибая пустые бутылки. Он заметно захмелел, нос его покраснел, точно у деда Мороза. Затем он вытянул вперед подбородок и почесал нервно, с каким-то остервенением свой безобразный кадык.

– На этом договоре не хватало моей лишь подписи... Простите, пересохло во рту, – сказал он, печально поглядывая на пустую бутылку.

– Пейте мою, мне уже достаточно, – и гость протянул свою недопитую чашку.

– Спасибо! Вы прекрасный человек, просто замечательный. Приходите ко мне еще, в любое время, в любую погоду, когда Вам будет угодно. Даже ночью. Особенно ночью, когда бессонница душит меня не хуже удавки. Ключи всегда под ковриком, я буду ждать...

– Но почему Вы держите ключи под ковриком? Вас могут обворовать.

– Ну, сударь, это право, смешно! Во-первых, я такой растеряха, что уже устал терять ключи и просить местного дворника выставить дверь, в какой-то момент нам всем это изрядно надоело, а во-вторых, у меня нечего брать. Оглянитесь...

Мужчина в куртке кивнул, соглашаясь.

– Но все же... – лишь сказал он.

– Все самое дорогое в этой старой банке, – и художник подошел к мольберту и, подняв с пола жестяную баночку из-под леденцов, встряхнул ею. Редкие мелки и угольки загрохотали в ней. – Пока она гремит, не все так плохо, сударь. Жизнь без нее давно бы потеряла смысл.

Затем художник посмотрел на свою неоконченную работу и вздохнул.

– У Вас замечательно получилось, – высказался гость.

– Вы так считаете?

– Думаю, Вика будет довольна и Вам придется бросить пить.

– О, – улыбнулся художник грустно. – Пожалуй, так! Думаю, это последняя моя бутылка. И Вы не представляете, как я Вам благодарен, что разделили ее со мной. Только Вам я могу признаться, сударь, только Вам, у меня нет друзей, нет родственников, я совершенно один. Ну, разве что еще Макбет. Но он старый обдрипанный кот и не в счет... Где он кстати? Кис-сс...

Козломордый отвлекся, покачиваясь и подзывая из-под кровати кота, но тот упорно не желал выходить и даже шипел на попытки выманить его оттуда.

– Вы знаете, что она приходила ко мне, еще совсем недавно, бросалась в ноги и умоляла, чтобы я одумался и сдержал слово... Она целовала мои руки, умывала их своими слезами... – и художник продемонстрировал гостю свои изуродованные подагрой пальцы, внимательно и с какой-то ностальгией разглядывая их. – И я толкнул ее вон та ту самую кровать, я желал мерзости, я заслуживал ее, – и он подошел к окну, поправив и погладив подушку на постели. – Но вместо мерзости я получил любовь этой женщины. Она любила меня, и я любил ее. И это было лучшее в моей жизни, уверяю Вас!

Затем Козломордый схватился за голову и снова стал хаотично ходить по комнате, срывая со стен свои натюрморты. Он не щадил ничего.

– Она уже никогда не придет... никогда... Страшно, страшно, сударь... – отдышался он. – Когда я признался ей, что банк просит подождать, задерживает займ, я надеялся, что она поймет мою слабость и утешит, она вдруг стала вырываться из моих объятий. Я был в каком-то тумане, когда она хлопнула дверью, ничего не сказав на прощанье. Все было кончено. Раз и навсегда.

Художник опять остановился в центре комнаты и задумался.

– И Вы знаете, – припомнил он, хватаясь за грудь, – сердце так ноет, так ноет... Темнота там, мрак. Ничего не могу вспомнить, разве что этот нелепый платок, прикрывающий ее рано

поседевшие тицианские волосы. И этот ее богобоязненный бред: «Бог любит меня, Бог любит меня». Еще я помню сложенные на груди ее ладони, когда она стояла предо мной на коленях и умоляла помочь ее несчастной дочери...

Козломордый вдруг задрожал, и на его лице появилась гримаса ужаса.

– Слышите, слышите, никогда не обещайте того, что не можете выполнить. Особенно женщине, которую любит Бог.

Затем он бросился в порыве какого-то дикого отчаяния на постель и, уткнувшись бородой в подушку, горько заплакал. Раздался скрип старых пружин, который неприятным образом напомнил гостю о том, что здесь когда-то была та невзрачная женщина с обманутыми надеждами.

– Нет, нет! Я так больше не могу. Слышите, я так больше не могу! Сегодня, непременно до обеда... Нужно спасти эту девочку! И пусть потом я сгину в беспробудном пьянстве, замерзну под лавкой, заеденный вшами, но все это будет не напрасно! И Вы, равнодушные алчные кровососы, перешагивая через мой обескровленный труп, никогда не узрите своим узким умишком, что я был в отличие от Вас человеком!

Эти рыдания были недолгими, прерывистыми и быстро сменились громким напористым храпом. Художник заснул, а его оставшемуся в гордом одиночестве гостю оставалось поскорее выбраться на свежий воздух. Так ведет себя человек, случайно оказавшийся в неубранном сортире, вынужденный временно терпеть неудобства. Стараясь даже не дышать, он направился к выходу с видом какой-то осторожной гадливости, бросив прощальный взгляд на мольберт с незаконченной девочкой. Ее большие черные глаза смотрели на него уже с какой-то легкой насмешкой.

Выскочивший из-под кровати кот проводил гостя до двери, жалобно мяукая, словно жаловался на хозяина, жаловался на свою никчемную жизнь без мышей, без рыбы из ресторана «Прага», просился истошно на улицу, теревшись о ноги своей взъерошенной шерстью. Но когда гость открыл дверь и позвал его за собой, кот неодобрительно фыркнул, словно ему предложили нечто аморальное и ужасное, и поспешил затеряться в углу темной комнаты.

Не случившаяся пощечина

Ветер беззвучно качал тронутые холодами цветы на клумбах. Строители уже приступили к разбору летней террасы. Часть плетеного заборчика с перевернутыми крынками была свалена небрежно в кучу, но по каким-то причинам работяги отлучились, и эти следы неоконченной работы наводили на прохожих еще большую хандру. В город пришла осень. В такую погоду ничего не хотелось делать, разве что предаваться приятным воспоминаниям о проведенном летнем отпуске. Морозящий дождь не располагал к прогулкам. Все спешили куда-то, держа над головами зонтики и закутываясь на ходу в плащи и куртки.

Сизые голуби сиротливо бродили между опустевшими столиками. Иногда они взлетали, напуганные чем-то, и долго кружились в сером тоскливом небе Арбата. Сами посетители ютились внутри. Их довольные счастливые лица, увлеченные друг другом, сияли сквозь запотевшие витрины ресторана. Приятный аромат выпечки ощущался на улице, когда кто-то открывал дверь. Не от каждого ресторана так вкусно пахнет, и мужчина в черной кожаной куртке присел за один из пустых столиков под крышей наполовину убранной террасы. Из ресторана тут же выбежала молоденькая официантка в вышитом сарафанчике, улыбнулась приветливо, и забавный южнорусский говор с ее напомаженных губ приятно заласкал ухо.

– Добрый ранок. Проходите сюди... Литня тираса не працює. (Летняя терраса не работает).

Она была как куколка, аккуратненькая, милая, невысокого роста. Своими отточенными в чулочках ножками девушка явно гордилась, выставляя их как-то вперед, словно на показ, на ходу поднимая подол чуть выше колена. Поверх сарафана был надет фирменный фартук самого заведения, он едва согревал ее.

– Спасибо, но мне и здесь хорошо, – ответил мужчина, разглядывая невольно узоры на ее вышитом сарафанчике. – Сколько у Вас стоит чашка чая?

– Дивлячись який чай. (Смотря какой чай...)

– Чай с бергамотом есть?

– Звичайно... (Конечно) – улыбнулась еще раз официантка и упорхнула в помещение.

Уже скоро перед мужчиной в куртке поставили расписной поднос с чайничком и чашкой из белого фаянса.

– Замовте що-небудь ще? (Будете что-нибудь еще?) – поинтересовалась она у гостя, расставляя посуду на столик. – У нас є смачне булочки. (У нас вкусные булочки).

– Я уже заметил, – улыбнулся он, намекая на ее пышную грудь.

Официантка неприлично рассмеялась и, пару раз кокетливо оглянувшись, смеясь пошла к двери. Видно было, что такие недвусмысленные шуточки в ее адрес нравятся ей.

Чай был очень горячим. Мужчина пил его мелкими глотками, поглядывая на проходящих мимо симпатичных женщин. Ему хотелось заняться со всеми ними сексом, войти в какое-то отвлеченное состояние, лишь бы не думать о предстоящем разводе. Уже вернулись работники и продолжили с привычной руганью разбирать конструкцию. Они стали сдвигать столики и стулья, не трогая только ту часть террасы, где еще сидел посетитель.

– Може, все-таки ходимо до нас? – выглянула из двери официантка, явно неровнодышащая к гостю.

– Да, пройдите, товарищ, в заведение. Не мешайте работать! – поддержал ее один из работяг.

Кувалда в жилистой руке исключала любые возражения. Гость неохотно приподнялся, и обрадованная официантка распахнула перед ним дверь заведения, заверяя, что она все перенесет с улицы, и пусть он устраивается поудобнее. Мужчина заметил несколько маленьких родинок на ее загорелой шее, и ему захотелось их поцеловать. Он даже пожалел, что для

пущей дерзости он недостаточно пьян. Алкоголь, распитый в каморке с уличным художником пару часов назад, уже выветрился из головы. На счастье проход ему преградили два подноса. На одном были налитые до краев рюмки, а на другом – простая закуска: пучки зеленого лука и ржаной, подсушенный хлебец с тонко нарезанным, почти прозрачным салом.

– Ласкаво просимо, – почтено поклонился вновь вошедшему пожилой казак в красных шароварах и подпоясанной белой вышиванке. На ногах у него были стоптанные сапоги, в одном из которых торчала засунутая плеть.

Гость принялся, и глупая голодная улыбка появилась на его слегка покрасневшем лице. Сало, поперченное и с чесночком, пахло волшебным. Казак заметил это и проговорил в ус многозначительное:

– А то!

Он едва удерживал в равновесии два подноса.

– Ну, уговорили, братцы! – осушил гость рюмочку под одобрителный взгляд казака, осторожно вернув ее на поднос.

Горилка была чудесной и пила как мягкая водица, и руки сами потянулись за второй рюмкой и хлебом с салом. Затем его провели в дальний угол к свободному диванчику, прячущемуся за неприличными сальными шторками. Там на столике стоял медный кальян, а также была хрустальная пепельница, и гость даже удивился пронизательности хохлушки. Он и вправду был не прочь закурить, хотя не курил, наверно, со студенческой скамьи.

– Пачку сигарет, пожалуйста, Софочка, самых дешевых, – попросил он свою официантку.

Он успел прочитать ее имя на бейджике, невольно любясь ее пышной грудью, и уже манипулировал ее именем, применяя ласковые эпитеты. Девушка оказалась из Волынской области, с какого-то хутора, а муж ее или парень, он точно не понял из ее отрывистой речи, в 2014 году на Майдане нахватался нацистских взглядов и уже год безвылазно служил в АТО, убивая русских. Все это она успела быстро рассказать ему, как какую-то красивую сказку, когда он, немного смущенный, проходил мимо столиков, по пути здороваясь с другими посетителями и служащими. И ему даже кто-то кивал в ответ и шептал «здрости», хотя это было в данной ситуации необязательно и даже нелепо.

Затем, когда он присел на мягкий диванчик и взял в руки меню, Софочка склонилась над ним, подсказывая, что лучше взять. Ее черные локоны приятно коснулись его небритой щеки, и он на мгновение задумался, заказывать ему украинский борщ или обойтись варениками со сметаной. Денег у него с собой было не так уж и много. Благо, горилку до обеда подавали бесплатно.

С улицы принесли его недопитый чай, и, пока готовился борщ, мужчина закурил и почувствовал себя намного лучше. Пуская клубы дыма, быстро наполнившего эту маленькую комнату с занавешенными шторками, он подумал, что эта девушка-официантка совсем не прочь переспать с ним. Он вспомнил ее точеные ножки, как быстро она семенит ими, на ходу приподнимая подол своего красивого сарафанчика, и плотоядно улыбнулся.

– Як вам борщ? – спросила Софочка, когда он на ее глазах вмиг проглотил его.

– Чудесный борщ, – похвалил он повара. – Пожалуй, еще сто грамм беленькой и мне пора на выход. А то я тут останусь навсегда.

– Так залишайте ж! (Так оставайтесь!) – официантка забрала пустую тарелку и, было уже, пошла за графинчиком, когда он остановил ее за руку.

Было в этом естественном движении что-то дружеское и даже наставническое. Девушка даже не одернула руку, лишь своими черными смеющимися глазами посмотрела на него с лукавым задором.

– Софочка... милая Софочка... Вы такая желанная. Я просто не могу не сказать этого. Прямо сейчас. Пойдемте куда-нибудь...

– Али куди? – рассмеялась девушка. – Никуда я не поиду! У меня е хлопец. У нього гостра шабля. (Куда? Никуда я не поиду! У меня есть хлопец, и у него острая сабля).

В этот момент между шторками мелькнул силуэт в красном платье, и гость изменился в лице.

– Что за наваждение! – прошептали его губы.

Этот знакомый и родной ему силуэт с маленькой стильной сумочкой словно намеренно задержался пред его затуманенным взором, совсем не спеша скрыться в уборной. Возможно, там висело в коридоре зеркало, и женщина на ходу остановилась, чтобы поправить прическу. Мужчина вспомнил этот шелк волос, к которым он еще вчера прикасался в метро, вдыхая их сладкий, пьянящий аромат. На этот раз незнакомка имела более строгий и деловой вид. Она собрала волосы назад в пучок, подвела черным карандашом веки и подчеркнула румянами скулы.

– Ну, все забув мене, – расстроилась официантка, не пряча своих эмоций, и отстранилась. – Все ви, мужики, таки! (Ну все, забыл меня! Все вы, мужики, такие)

Но он не ответил ей, откинулся на диванчик и небрежно чиркнул спичкой. Спичка сломалась. И когда сигарета в его зубах все же задымила, сомнений больше не оставалось. Это была та женщина из метро. Весь этот шарм ее движущихся плавно ягодич вновь взволновал его.

Столик незнакомки в красном располагался у окна под большой абажурной лампой, где сидел полный и хорошо пропотевший от горячего чая господин средних лет. Он только что расплатился картой в ожидании своей спутницы. Закинув вальяжно ногу на ногу, продемонстрировав чистейшую подошву своего лакированного ботинка, он взял со стола газету и развернул ее. Когда же его спутница вернулась, полный господин оторвался от чтения газеты и попросил ее в повелительном тоне снять с вешалки его шляпу и передать ему. Судя по всему, это было в порядке вещей, и она выполнила все его поручения беспрекословно. Затем без посторонней помощи она сама стала одеваться, накинув на свои оголенные плечи пальто из белого альпака, и, не дожидаясь, пока полный господин соизволит встать из-за стола, направилась к выходу.

– Не забудьте-с, всем под пятнадцать, а ингушам под десять! – крикнул полный господин ей напоследок, когда она уже почти выскользнула из ресторана.

Затем он неторопливо сложил газету и с трудом поднялся, животом задевая столик. Подойдя вразвалочку к усатому казаку, жирдяй усмехнулся, как-то неодобрительно рассматривая протянутые ему подносы.

– На посошок, Вениамин Христофорович, – расплылся в заискивающей улыбке казак, но важный клиент намеренно медлил, надевая на голову свой английский котелок из качественного фетра, с черной атласной лентой и бабочкой, очевидно, ручной работы.

Наконец, его пухлые, отягчаемые золотыми перстнями пальцы потянулись за рюмочкой.

– Ну, ты и жид, Микола, – опять ухмыльнулся он. – Что у вас за мензурки? А?

– Исправим, Вениамин Христофорович, исправим, – виновато запричитал казак. – Я сам не рад. Разливаются, опрокидываются... Донесем обязательно до дяди Вовы. Будьте уверены.

Проводить толстяка сбежали почти все официантки, повара, охрана. Каждый норовил отличиться перед ним в той или иной любезности, непременно одаряя его при этом словами заискивающей благодарности. Софочка видимо замечталась, оттесненная другими официантками, и не заметила, как встала на пути толстяка.

– Ты чё, дура, здесь встала? – проворчал полный господин на нее и, задев грубо плечом ни в чем невиноватую хохлушку, точно огромный жирный ком, вывалился через раскрытые настежь двери наружу, так ни с кем и не попрощавшись.

– До свидания, Вениамин Христофорович, – кричали ему хором вслед.

Все видели этот инцидент, но присутствующие в зале, и персонал, и гости, и уж тем более, охрана, отвечающая за порядок, сделали вид, что ничего особого не произошло, да и сама потерпевшая официантка поспешила сразу к ждавшему ее клиенту.

– Вибачте мене, пардон, – сказала она холодно мужчине в куртке, поднося счет. – Дуже важливий хлопець. У нього тут недалеко свій банк на Сивцев Вражке. (Извините меня, был очень важный клиент. У него свой банк здесь недалеко, на Сивцев Вражке).

Гость быстро рассчитался, оставив хорошие чаевые, но не оттого, что он был по природе щедр или как-то хотел загладить свою вину или произвести впечатление на гарную официантку. Его даже не страшил тот риск, что вчерашняя незнакомка из метро могла вновь затеяться. Главной причиной такого внезапного порыва было желание наказать негодяя.

– Приходите ще. Я працюю через два дни, – сказала все же напоследок Софочка, семена ножками к выходу, едва поспевая за мужчиной в куртке. (Приходите еще, я работаю через два дня).

В ее руке была книжка-счет с хорошими чаевыми, но эта девушка заметно расстроилась. Она до конца надеялась, что случайный, но приглянувшийся ей клиент оставит хотя бы свой номер или сам спросит у нее заветные цифры. Она даже была не против, что он поцелует ее в щеку на прощание или ущипнет за ляжку. Но мужчина в кожаной куртке даже не взглянул на нее. И Софочка, славная хохотушка, легкодоступная и отходчивая, приняла это на свой счет, считая, что вся ее беспечная, никому не обязанная молодость с девичьим шальным визгом и диким гоготанием неожиданно проиграла перед самодостаточностью и спокойной холодностью, таящей в себе смертоносное жало, москвички.

– Прокляти, москалі, – только улыбнулась она натянутой улыбкой и самоотверженно пошла обслуживать столик, где ее ждали нетерпеливые посетители.

Это был для нее всего лишь один промах при тысяче попыток. Она и, правда, быстро стерлась в его памяти, оставив лишь легкий шлейф хуторского кокетства, да и тот улетучился вместе с запахом сдобных булочек. Ее чудные ножки, которые она уже так неприлично оголила, что сидящие за ближайшими столиками могли заметить ажурные подвязки для поддержания чулок, уже не казались ему такими точеными, такими желанными.

Когда мужчина в куртке догнал толстого господина на улице в нескольких метрах от ресторана, то хотел ему высказать все, что накопилось за последнее время. Но, увидев перед собой надменную, лоснящуюся от довольства рожу, ленивую до того, что даже не выразившую никаких признаков удивления, кроме отвращения, он, уже не задавая лишних вопросов, захотел дать ей увесистую пощечину. Но его вдруг остановил знакомый скрип инвалидной коляски. По Арбату шла невзрачная женщина и везла перед собой девочку. Устраивать драку на глазах этой девочки мужчине не хотелось, и он отступил назад, смущенно уводя взгляд в сторону.

– Что Вам-с угодно-с? – спросил его толстяк.

– Обознался, – ответили ему, уходя на другую сторону улицы.

– В следующий раз очки-с купи, – недовольно проворчал полный господин, и тут он тоже заметил наступающих его мать и дочь.

– Посмотри, посмотри в глаза своей угасающей дочери! Неужели у тебя нет сердца! Мы еще можем ее спасти! – запричитала невзрачная женщина.

– Я уже сказал, что не могу дать таких денег без залога, – поспешил толстяк прочь, отмахиваясь от них, точно от надоедливых мух. – Поговори со своими ..., а меня оставь в покое.

– Бога в тебе нет! – закричала женщина, грозя ему вслед кулаком. – Твоя дочь умирает, а ты убегаешь, словно последний трус!

– Черт Вас побрал, попрошайки! – выругался он, оправдываясь перед встречными прохожими. – Я их совсем не знаю, безумные...

Ограбление банком

За пять минут до конца рабочего дня, когда сотрудники посматривали на часы, мысленно подгоняя минутную стрелку, у кассы по выдаче займов возникла совсем ненужная возня. Возня вначале происходила на повышенных тонах между двумя мужчинами и вскоре вылилась в потасовку с хватанием за одежду и даже тасканием за бороду.

Тощий старичок в оранжевом свитере, с взъерошенной бородкой и покрасневшим от пьянства носом, настойчиво отталкивал толстого господина, упирался в него всеми силами и даже скользил на полу ногами, так как сдвинуть толстого господина с места было невозможно.

– Так-с, – твердил толстяк, напирая на тощего своим внушительным пузом. – Прошу-с освободить помещение.

– Я требую немедленно директора банка...

– Так-с! Я Вас слушаю.

– Я заслуженный художник Арбата...

– Так-с!

– Убью!

– Так-с!

Сотрудники банка чувствовали неловкость и переглядывались, так как дело, по-видимому, набирало обороты. Художник уже переходил на личности, его броски становились все более агрессивными, но толстяк держался, и на предложение кассирши вызвать полицию лишь усмехнулся. Она восседала на высоком кресле, точно царица на троне, и была облачена в нехарактерное для обычной работницы банка красное платье с широким поясом и декольте. В нем она смотрелась на сером фоне трудовых будней крайне выигрышно.

Стоит отметить, что представительницы женского пола, которые носят такие шикарные платья, обычно нигде не работают или, на худой конец, имеют свой маленький бизнес при весьма состоятельном муже. Но, тем не менее, такая эффектная дама сидела за кассой едва приметного банка и ждала инструкций от толстяка. Последний, как оказалось, и был директором, лицом ответственным и значимым. И решение по выдаче займа под залог недвижимости полностью зависело от него.

– Ничего-с, Катерина Андреевна, спасибо-с за беспокойство, – сказал толстяк, – но мы с этим прытким господином сами все уладим-с. Не так ли-с, мюсю?

Тем временем, прыткий господин, в котором легко узнавались черты уличного художника Козломордого, начинал уже взывать к справедливости и всему такому, к чему обычно прибегает спорщик, когда физические силы не совсем в его пользу. Для пушей убедительности он умоляющим взглядом обращался и к другим сотрудникам банка, немногочисленным и старающимся не попадаться ему на глаза, прячась за рутинной своей работы. Кто ксерил какие-то ненужные бумажки, кто набивал что-то на клавиатуре.

– Это просто безобразия! Клиент всегда прав. Ну, как же так-с! – передразнивали директора банка, делая акцент на «так-с».

– А вот так-с! – совсем равнодушно отвечал директор.

– Как же нехорошо получается... Как же нехорошо! – вопил художник. – Ведь черным по белому написано. Займ под квартиру частного лица в день обращения наличными в любой валюте по текущему курсу. Вот свежая выписка из ЕГРЮЛ, вот оценка от такого-то числа, вот Ваша личная загогулина, сударь... Как же так-с?

Ему срочно нужно было оформить займ наличными за мастерскую.

– А так-с, многоуважаемый, что со вчерашнего дня на бирже шатание, и выдача займов требует консультаций со всеми членами совета директоров банка, а тут подписи только двух

человеков, – слово «человеки» было выговорено тщательно, с долей издевки. – Моя и, кажется, Ваша. Да-с, и оценкой этой можете подтереться...

– Да что Вы, сударь! Вы сами приезжали ко мне в позапрошлую среду, как помню. Вам еще местечко очень понравилось.

– Так-с, – нахмурился толстяк, когда перед ним замахали и затыкали какими-то справками и договорами, на которых он наотрез отказывался признавать свою размашистую подпись. – Ну, приезжал. Ну, договаривались. Да мало ли я к кому приезжаю и договариваюсь! У меня по сотни встреч в день бывает и со всеми надо договариваться.

Грабить людей для банкира было привычным делом. На этом зиждется бизнес – привлечь остро нуждающихся в деньгах глупцов, как можно больше напугать, прогнуть в цене и, если все пойдет удачно, затем обобрать, как нитку. В данном случае такие сделки, а точнее махинации с выдачей займов под залог недвижимости, ювелирных ценностей и антиквариата без поручителя были привычным явлением. Клиент, одержимый идеей заключить «выгодный» ему договор, бывало даже, из собственного кармана оплачивал вынужденные расходы. Только по линии оценок учреждение зарабатывало кругленькие суммы.

– Как Вам не совестно! – закачал головой расстроенный художник. – Мы же уже все сто раз обсуждали и договаривались. Оценка в пятнадцать...

– Не могу-с, любезнейший, пятнадцать просто разорение. Рынок недвижимости рушится... Спуститесь с небес. Кризис!

– Дайте мне хотя бы одиннадцать, – слезно просил художник. – Я много не прошу...

Толстяк еще раз посмотрел на старичка в свитере, тыкающем ему в лицо ворох бумаг, и посчитал, что уже довольно над ним издеваться.

– И одиннадцать много, там коммуникаций нет никаких...

– Зато самый центр, исторические виды, близость к Кремлю, в собственности больше трех лет, никаких наследников, – стал перечислять преимущества своего жилья художник, припертый пухом толстого господина.

– Никаких наследников-с это хорошо-с, – пробормотал директор и задумался, точно давая этим задумчивым видом определенную надежду.

Нет, он не пожалел несчастного. Он, напротив, рассматривал последнего как некую ритуальную жертву, отданную на алтарь современной экономики, а сам был в роли плотоядного и жестокого жреца, фанатично преклоняющегося Золотому Тельцу.

Между тем, минутная стрелка часов подкралась к восемнадцати, и сотрудники банка зашевелились, собираясь уходить, но Козломордый всем своим видом дал понять, что для него рабочий день не закончился, и со всех сил ударил ладонями по стеклу кассы. Оно пугающе завибрировало.

– Что Вы делаете! Разобьете! – испугалась кассирша.

– А я думал, у Вас оно бронестойкое!

– Это у Вас руки бронестойкие, а у нас обычное стекло... Вениамин Кристофорович, давайте все же вызовем полицию!

– Да, пожалуйста-с, вызывай, Катенька-с, – согласился толстяк.

– Не уйду, – закричал вдруг на весь зал Козломордый, понимая, что сейчас для него пробил час икс и вновь ударил по стеклу. – Давайте десять!

Катерина Андреевна вздрогнула. Такой внезапный удар ладонями перед ее лицом еще сильнее напугал ее.

– Мужчина, ведите себя прилично! – лишь вымолвила она, ища под столом заветную красную кнопку.

– Я итак виду себя прилично! Выдайте деньги, и я сразу уйду. Клянусь святым Патриком! – ухмыльнулся буйан.

После этого он совсем очевидно поехал с катушек и, высунув язык, стал отвратительно лизать им стекло.

Когда речь идет о больших деньгах, люди в последнюю очередь думают о приличиях. Они могут выкидывать такие кренделя и фокусы, на которые в других условиях никогда не способны. Художнику позарез нужны были десять тысяч Евро. Его практически трясло от того, что ему могут совсем отказать, и он чувствовал, что сатанеет. И тот факт, что он не видел перед собой красивую женщину, а лишь тупую кассиршу или даже бездушный автомат для выдачи заданной суммы, оскорбили Катерину Андреевну до глубины души. Вся ее уязвленная женская сущность требовала опровержения, как минимум, признания того, что она царица, сияющая в необыкновенном платье с такими изящными кружевами, с таким смелым декольте. Но вместо очевидного признания взбесившийся клиент стал лизать стекло кассы: мерзко, похабно, с каким-то издевательским намеком на пошлость старого кобеля.

– Что Вы творите, одумайтесь! Тут не полицию надо вызывать, Вениамин Кристофорович, а санитаров.

– Вызывайте кого хотите, – оторвался от неприятного занятия старик, – но я лучше умру здесь, чем уйду без денег.

– Так-с, да помирайте-с быстрее и не чудите-с! – проворчал толстяк. – Мне-с еще за Вами-с стекло мыть.

– Что, не нравится? И мне не нравится! Давайте договариваться. Мы же все люди. Люди договариваются, – говорил Козломордый, пугая кассиршу новой попыткой заслонявить ей весь обзор.

– Ну, знаете, это просто безобразие! Это уже переходит всякие границы! – вышла она из себя, чувствуя, как сама погружается в море безрассудства.

С каждой секундой она признавалась себе, что устала держать себя в рамках приличия и лишь ждала подходящего момента, чтобы нанести ответный удар. Все эти махинации с грязными деньгами, проходившие мимо нее и при ее участии, оставляли каждый раз на душе неприятный осадок. Будто она сама лично обманывала этих несчастных, и, может быть, так оно и было. Она была соучастницей. Ее использовали, и она получала за это часть этих грязных денег.

Ей вдруг неожиданно захотелось буйства, именно в тот момент, когда судьба займа висела на волоске, а клиент сходил с ума. И вместо того, чтобы нажать на кнопку вызова полиции, кассирша в красном платье намерено отъехала на кресле немного назад и раздвинула свои колени. Она вспомнила, как когда-то давно, когда ей было пятнадцать лет, она лежала в гинекологии после операции. Непроходимость труб, кисты или что-то такое, все это давно могло стереться в памяти, но только не последующее унижение. Когда она лежала на гинекологическом кресле, в кабинет зашла толпа обучающихся студентов. Ей и так было страшно чисто физически раздвинуть ноги перед незнакомым человеком, пусть и в медицинском халате, а тут на нее с нескрываемым патологическим интересом глазели еще вчерашние старшеклассники. «Все это при запущенности и необходимом лечении может грозить другими патологиями и, в частности, невозможностью иметь детей», – говорили они равнодушным тоном. Затем, не спросив у нее даже формального разрешения, как будто она была не девушка вовсе, а манекен-кукла, на ней начали показывать, как правильно нужно брать мазки и проводить обследования. Сгорающая от стыда, она вдруг услышала, как врач спросил у толпы, кто хочет попробовать, и один прыщавый студент согласился...

Стыд прожег ее насквозь каленым железом, оставляя глубокие раны. Ей вдруг захотелось рыдать, и она еще подумала, что сумасшествие возможно заразно. Тем временем безобразный старик перестал лизать и словно очнулся от наваждения, непонимающе хлопая глазами. По стеклу еще стекали его липкие слюни, а кассирша все еще боролась с первыми, предательски выступающими на ее прекрасных глазах слезами. Сейчас ей реально было стыдно, что она

работает в такой организации, которая обманывает человека, попавшего в затруднительную ситуацию. Она раздвинула ноги еще шире, так чтобы видно было ее нижнее белье (ее свободное платье с разрезом позволяло это), и ощутила вновь давно забытое чувство, как много лет назад, в кабинете гинеколога перед толпой студентов, когда ее словно изнасиловали прилюдно.

Какой-то грязный алкоголик, лишающийся за выпивку единственного жилья, тиран-директор, давно потерявший влечение ко всему живому и прекрасному, думающий лишь о своей прибыли... Она уже видела, как Вениамин Кристофорович потирает свои пухленькие ладошки в предвкушении выгодной сделки. Весь этот тесный банк с едва заметной вывеской, вобравший в себя словно противных насекомых всех этих завистливых теток с прогрессирующим климаксом. Тупорылые и недалекие охранники со своими пошлыми шуточками. Все окружение пробуждало в ней в этот момент неприятнейшее отвращение.

«О Боже! – осознала Катерина Андреевна вдруг всю мерзость своего положения. – Все эти люди даже недостойны моего кончика ногтя, покрытого люксовым лаком Dior специально под цвет сегодняшнего платья».

Когда же женщина почувствовала себя полностью опозоренной, загнанной в угол, ей захотелось срочно бежать отсюда, но куда? К невыносимому до дрожи мужу-эгоисту, с которым она погубила молодость или к мосту, по которому она ходила дважды в день, идя на работу и возвращаясь обратно домой. Даже не инстинкт самосохранения, а страх промахнуться и упасть на набережную останавливал ее от этого непродуманного, отчаянного шага. «Нет, лучше бежать за границу», – подумала она и поморщилась. Она использовала свой редкий отпуск для курортных связей, но быстро разочаровалась в тамошних мужчинах. Все они были слишком инфантильны и предсказуемы. Разве что один турок, то ли болгарин, да и тот был одержим скорее страстью к русской экзотике, чем истинной любовью к ней.

– Потрясающе. Ярko, образно. Хорошо! – пробормотал вдруг художник, разглядывая просвечивающее нижнее белье кассирши. – Что же это я, дурак, сразу не заметил! Позвольте украсть у Вас, сударыня, это великолепное платье, эти чудные кружева из шелка?

– Катерина Андреевна, ну, его к черту-с! – и толстяк, сняв с головы свой котелок, вытер пот со лба белым платочком. – Как пиявка присосался!

Он, безусловно, видел эту инсинуацию грязных желаний своей лучшей работницы и впервые отметил по себе неоспоримо полезные в бизнесе и неиспользованные ранее способности этой женщины.

– Может, его устроить в нашу коллекторскую службу? – предложила кассирша в красном. – Как пиявка присосался, злыдень!

Она уже прекратила провокацию, и ее пальцы оказались на клавиатуре, готовые напечатать ордер на выдачу денег.

– Нет, хватит мне дармоедов! – выругался толстяк. – Выдайте ему, что он хочет, но только-с по договору-с, чтобы потом никаких пререканий, никаких зацепок ни у кого не возникало, и можно по заниженному курсу, с обратной двойной конвертацией и так чтоб не более десяти вышло на руки. И пусть уматывает отсюда-с, пока я не передумал-с.

– А как же ингушская делегация? У меня сейчас нет столько свободных средств, Вениамин Кристофорович.

Директор посмотрел на часы с золотым браслетом.

– Так-с, – сказал он. – Возьмите-с у них. Потом-с доложим-с.

– Но что мы им скажем, если они придут сегодня-завтра?

– Так-с, – нахмурился опять толстяк, как будто что-то припоминая. – Завтра-с пусть и приходят-с. Средства изыщем-с.

– У нас явная недостача будет, Вениамин Кристофорович, – продолжала волноваться по привычке кассирша. – Мы их займ все же обещали до вторника придержать. Там в залоге слитки золота, хочу напомнить. Да и на что они мост будут строить через Сунжу?

– Ничего-с выкрутимся, – и толстяк протянул художнику руку. – Ключи-с. По договору-с нашему ключи-с вперед.

– Сначала деньги! – и Козломордый уперся в бока кулаками, глядя почему-то на кассиршу. – Вам бы, сударыня, с такой характерной внешностью в палаты Белокаменные бояр окаянных умирять, каков Мамаев взгляд, какая гневливость в очах Ваших! Ну, вылитая Елена Глинская антрополога Герасимова! Я бы только Вас на холсте маслом, и непременно ананасы, ананасы, – выговорил он мечтательно.

Между тем, «Елена Глинская» отсчитывала купюры. В самую последнюю минуту перед выдачей она еще раз вопросительно посмотрела на директора, вытирающего пот с заплывшего лица и за воротом шеи. Тот лишь кивнул одобритительно.

– Десять тысяч, Вениамин Кристофорович.

– Отлично-с, Катерина Андреевна, – обрадовался директор и уже сухо сказал, подталкивая художника. – Давайте быстрее черкайте ручкой. За неурочные не платите же!

Клиент действительно замечтался, нетерпеливо постукивая пальцами по кассе и разглядывая свое скучное отражение в стекле.

– А что, похож я на Ивана Грозного? А? Особенно когда в гневе!?! – польстил он себе, поворачиваясь в профиль и гордо выпячивая свой подбородок.

Козлиная бородка его вздрогнула, неприятно дразня толстого господина, и тому в какой-то момент ничего не оставалось, как схватить зазаввавшегося наглеца за эту мочалку и униЗИтельно притянуть к своему вспотевшему от излишних движений пузу.

– Ай-я-яй! – завопил Козломордый. – Что Вы делаете! Не распускайте руки!

– Ключи-с! – спокойно сказал директор банка, отгаскивая клиента от кассы. – Пошлутили-с и хватит-с! Ключи-с!

– Под ковриком, – простонал Козломордый, пытаясь вырваться.

– Под каким-с ковриком? Ключи-с. Бороду вырву-с! – настаивал на своем толстяк, пока тот покорно копался в своих карманах, выворачивая их наизнанку.

– Может быть, еще штаны снять? – вымолвил художник.

– Штаны не надо-с. Насмотрелись, – процедил директор банка сквозь зубы, все еще держа Козломордого за бороду. – Ключи-с!

– Я же говорю, под ковриком. Они всегда там лежат.

– Ладно, поверим-с на слово! Мы же люди-с и должны верить людям-с, – улыбнулся толстяк, выпуская бородку должника. – Только смотрите у меня, если-с что не так-с, дверь-с выьем-с.

Художник, обрадованный, что высвободился, быстро засунул пачку денег себе под свитер.

– Ну и жулики, ну и жулики! – твердил он про себя, спеша к выходу.

Он боялся, что его могут остановить и отобрать назад деньги, поэтому спешил. Толстый господин, уже не скрывая свои карты, крикнул тому вслед.

– Недолго тебе радоваться, дурак! Прогадал-с ты! Твоя мастерская-с в три раза дороже-с будет. Да, и думаю-с, и с процедурой взыскания мы тянуть-с не будем.

– Опричников на Вас не хватает, Малюты! – огрызнулся разгневанный «московский князь», немного замешкавшись на выходе.

Он в суматохе толкал дверь от себя, искренно не понимая, почему она не открывается, а надо было лишь по-другому потянуть ручку.

– И помните-с, тут Вам-с не художественная академия, а частный банк-с, – продолжал ворчать директор. – Тут деньги не рисуют, тут деньги зарабатывают. Прошу-с потом-с вести себя достойно-с. Без истерик-с!

Наконец художник открыл дверь и перед тем, как выбраться на улицу, сделал издевательский реверанс кассирше, выдавшей ему займ.

– Мое почтение, мадам! – сказал он на прощанье. – Заходите как-нибудь на огонек. У меня еще осталось пару угольков.

– Пшли-с вон! – завопил директор, брезгливо морщась, не желая больше слушать ехидство клиента. – Пшли-с вон!

Затем толстяк хлопнул в ладоши и прокричал:

– Закрываемся, девочки! Все-с могут быть свободны-с.

Но все это было излишним. Все только и ждали, чтобы покинуть помещение. И в приглушенном свете мимо директора быстро замелькали тени спешащих сотрудников, и скоро в банке никого не осталось. Лишь кассирша в красном крутанулась на кресле, дважды показывая боссу свою татуированную спину. В ее руке уже было заявление об увольнении по собственному желанию, и она положила его в ящик кассы и выдвинула наружу.

– Сегодня-с, наверно, затмение-с на солнце. Один-с псих прямо на улице-с наскочил-с, чуть с ног-с не сбил. А этот-с с бородкой Опричниной страшает-с!

Поросычи глазки толстяка пытливо пробежались по заявлению, пока кассирша терпеливо ожидала свой вердикт.

– В Париже сейчас мода-с на мини-юбки, – сказал, наконец, директор банка, – даже господствуют-с футуристические образы-с. Но согласитесь, Катерина Андреевна, что в платье-с женщина смотрится куда-с привлекательней-с. Вы меня сегодня-с очень удивили-с с этими Вашими-с фокусами-с... Как Вы его-с пригвоздили-с, как-с... это надо-с было видеть-с!

Затем он на глазах изумленной кассирши разорвал ее заявление на несколько маленьких кусочков.

– Сегодня-с, Вы были на высоте-с, Катерина Андреевна. Пожалуй-с, пришло время-с поговорить-с о повышении оклада-с.

Кассирша отрицательно покачала головой.

– Дело не в зарплате, Вениамин Кристофорович, а в перспективах. Мне все осточертело, – и она повела ребром ладони по горлу. – Сидеть в душном офисе все дни напролет и заниматься раскулачиванием населения, увы, но это не моя стезя. Я Вам еще сегодня за обедом говорила об этом, что собираюсь уходить, но сейчас вдруг поняла, что надо действовать решительно.

И кассирша потянулась за новым листком бумаги, чтобы еще раз написать заявление.

– Я Вас не узнаю-с, – промяукал ласково босс, все еще теша себя надеждой удержать такую ценную работницу. – Вы с нами столько лет, и до этого Вас все устраивало-с. Ну-с с зарплатой мы решим-с. Чего же Вы еще хотите-с? Какие Вам нужны перспективы-с?

– Честно говоря, я сама еще не определилась. Мне хочется, но чего не знаю.

– Тогда не спешите-с увольняться. В других местах не лучше, поверьте-с мне. Может-с быть, Вы просто утомились? Берите-с неделю-с отпуска за свой счет-с. И непременно-с возвращайтесь отдохнувшей-с, посвежевшей-с, и тогда мы все обдумаем-с на свежую голову-с.

Голос толстяка стал мягче и добрее, в нем появились нотки понимания и тревоги, он не хотел терять свою лучшую работницу, и Катерина Андреевна на минуту задумалась, собираясь с ответом. Она оторвала взгляд от листка бумаги, которого уже коснулась ручка, и, посмотрев на своего босса, еще раз убедилась, как может он убедительно и даже в некоторых случаях внушительно влиять на людей.

– Я еще хочу-с сказать, что Вам очень идут такие длинные в пол платья-с, – сказал он, вздернув руку, и посмотрел на часы.

– Спасибо, Вениамин Кристофорович. Мне кажется, сама женщина чувствует себя в нем по-другому, – и кассирша опять положила в ящик заявление. – Я мини не люблю, моя длина до середины икры, но каждому свое, – и она слегка приподняла подол платья, словно любясь им.

– Признаться честно-с, мне вот так просто-с жаль-с терять такую красоту-с, я очень расстроен Вашим поспешным решением-с. Но коли Вы настаиваете-с и наш офис Вам-с опротивел-с... Что-ж... Мы можем сотрудничать-с и по другим вопросам-с.

– По каким же? – удивилась Катерина Андреевна, думая, что ей сейчас предложат любовную интрижку на стороне.

Уж от толстяка, вечно равнодушного к ней, она никак не ожидала этого под конец занавеса. Она знала о его пристрастиях к БДСМ и сама лично видела приходящих к нему прямо в офис длинноногих проституток в собачьих ошейниках, эксклюзивных сбруях и с настоящими плетками для экзекуции.

– Я слышал-с, что Михаил Александрович много работает-с... – начал издали толстяк, потирая свои пухлые ладони.

– Да, в последнее время мы даже редко видимся... – вздохнула Катерина Андреевна.

– Я слышал-с, что своими новаторскими разработками-с против «неизлечимых-с болезней» он запугает всю мировую-с фармацевтику.

– Вы преувеличиваете, Вениамин Кристофорович. Да, что-то он изобрел в области борьбы с иммунодефицитом, но я никогда не вникаю в его дела.

– А зря-с... Одно-с моего восточного клиента-с крайне интересуют эти дела-с.

– Михаил Александрович не делится своими результатами с общественностью, пока лекарство не проверено, к тому же, он дичится иностранных компаний, заведомо считая их мошенниками и рвачами, – заметила Катерина Андреевна, еще не понимая, о чем ее будут просить.

– Да-с, я знаю-с, что Ваш супруг-с патриот-с, но все же-с мое предложение-с может показаться Вам интересным-с.

– И что же Вам нужно?

– Мне нужен доступ к сейфу-с в кабинете-с Михаила Александровича... К сожалению-с, шифры знает только он-с. Но благодаря Вам-с, Вашей помощи-с о них могу-с узнать и я. А дальше-с мы все сделаем-с сами. Уверяю-с Вас, ни одно-с животное не пострадает-с...

– Вы предлагаете мне предательство, Вениамин Кристофорович. Это очень низко! – возмутилась кассирша в красном. – Я была о Вас лучшего мнения!

Банкир засмеялся.

– Ну, мое-с дело предложить-с, Ваше отказать-с... Не секрет-с, что я Вас взял на работу-с благодаря протекции Вашего-с супруга-с, но все же-с Вы мне многим обязаны-с... Вы выросли-с буквально на моих глазах-с в профессиональном плане-с., у Вас в отличии-с от других работников была повышенная-с ставка, я был добр-с с Вами-с...

Катерина Андреевна поднялась, показав всем видом, что разговор закончен. Банкир не стал удерживать ее, продолжая хитро посмеиваться, лишь на прощание сказав, что всегда, в любой день и любой час готов к ее услугам.

– Семь на двадцать четыре! Я всегда-с Ваш-с, – сказал он свою любимую фразу. – Слышите?

– Я Вас поняла, Вениамин Кристофорович, я Вас поняла, – кивнула, нахмурившись, женщина, еще больше убеждаясь в своей правоте, что увольняться надо было немедленно.

Одна в ночи

Ветер сильно подул в лицо, и она, повернувшись к нему спиной, какое-то время стояла, пережидая этот внезапный вихрь. Ее пальто из альпака выделялось в темноте белым, колышущимся пятном. На мосту в этот час никого не было, лишь изредка проносились автомобили, освещая фарами одинокую женщину. Она подошла к краю, подгоняемая ветром, и положила свои озябшие руки на перила. Она часто так делала, размышляя о бренности жизни, вглядываясь в бездну омота, манившую ее каждый раз, когда она шла на ненавистную ей работу или возвращалась с нее. Этот качающийся через реку мост словно специально воздвигли на ее пути, чтобы она понимала, как шатка эта конструкция по имени жизнь. Именно сейчас, когда она покинула банк навсегда, омут особенно пугающе притягивал к себе, манил в свои темные воды, в которых отражались блеклые фонари набережной и рекламные вывески близ стоящих зданий.

Она сильно устала за этот день и до сих пор не верила, что все же решилась порвать с ненавистной работой, забирающей все ее жизненные силы, загоняющей ее каждый раз в стыдливое чувство, будто она какая-то опустившаяся шлюха. Сколько несчастных клиентов прошло через нее, сколько потом ограбленных банком и обреченных на нищенское существование вот так, как и она, стояли, возможно, на этом мосту и вглядывались вниз, решаясь на свой последний прыжок.

В ее прекрасных глазах уже не было слез. Бывшая кассирша по выдаче займов была полностью опустошена и даже позвонила бывшему мужу, с которым она все еще жила по инерции и делила квартиру. Она переживала, как там ее Кнопка и может ли он встретить ее. Но бывший муж сам задерживался на работе, он был заслуженный и всеми уважаемый профессор в городской клинической больнице и пытался в спешном порядке к завтрашнему утру подготовиться к нашествию комиссии из министерства.

– Катенька, ну чего ты так убиваешься! Ну, успокойся, пожалуйста, – проговорил он в трубку, стараясь сохранить ласковость в голосе. – С Кнопкой твоей ничего не случится. Если что, сделает все дела на коврике. Ей не в первой. Я сам буду за полночь. Увы, дела.

Она еще долго слушала в трубке прерывистые гудки и вдруг неожиданно поняла, что в свои сорок лет никакие собаки не заменят детей. Да, она никогда не знала радости материнства, и инстинкт, подогреваемый шумом детских площадок и видом беременных или уже с колясками мамочек, каждый раз толкал ее в состояние неполноценности и даже ничтожности. Ей срочно нужно было заботиться о ком-то, чтобы раньше времени не превратиться в склочную, завистливую, брошенную всеми старуху. Поэтому она пару лет назад завела для себя маленькую собачку – йоркширского терьерчика, девочку, и баловала ее, как только могла, и находила в этом утешение.

Сейчас, когда пелена иллюзий спала, и все вокруг рушилось, сыпалось, словно картонный домик, женщина с татуировкой змеи подумала о своей любимице. Это была спасительная мысль, но и она развеялась вместе с сильным порывом ветра.

Ее муж был бездетен, переболел свинкой в далеком детстве. Возможно, именно невозможность зачать ребенка и стала главной причиной ее развода, хотя как не банально звучит: она никогда никого не любила и вышла замуж лишь из-за статуса. Он был знаменитый профессор с обширными связями и всегда при деньгах, обладал определенной репутацией и даже имел шанс получить Нобелевскую премию в области медицины. Именно Михаил Александрович устроил ее в банк, учитывая экономическое образование своей супруги, когда посчитал, что она сходит с ума в четырех стенах, напрасно строя из себя счастливую домохозяйку.

«Борщи у нее все равно не получались, а работа отвлечет от скуки», – думал он справедливо.

Но именно в этот момент, как только жена ощутила свободу, пусть и мнимую, но свободу, она и подала на развод, и как отвергнутый муж не отговаривал ее от этого, как он считал, опрометчивого шага, Катерина Андреевна была тверда в своем решении и непоколебима. Единственное, что удалось Михаилу Александровичу, так это упросить ее оставить все как есть, то есть продолжать мирно сосуществовать в одной большой квартире на Ленинском проспекте, в доме академиков. Она согласилась, потому что ее пугала вся эта суета с дележом собственности, потому что надеялась при первой возможности уйти к другому, не менее обеспеченному мужчине. Но пока на горизонте не было алого паруса. Достойные ее внимания мужчины были заняты, либо их уже прельщали более молодые и глупые девицы.

И тогда Катерина Андреевна вдруг вспомнила о своем татуировщике и печально улыбнулась. Так улыбаются, когда ускользает последняя надежда. Когда она отдыхала в Стамбуле, то познакомилась с ним в метро. У нее еще было пару дней отпуска, и он пригласил ее съездить к морю, в Анталию, и она согласилась. Он прекрасно ухаживал за ней, вел себя как галантный кавалер и обещал луну с неба. Она тогда еще была замужем, но уже была готова к серьезным переменам. Нежась в лучах южного солнца, плескаясь в бликах теплого моря буквально в нескольких метрах от пляжа, она поцеловалась с ним. Возможно, длительное хождение босиком по берегу открыло в ней давно спящую сексуальность, и, как результат, она в прямом смысле окунулась с головой в курортный роман. Это была ее первая близость с другим мужчиной. До этого она не решалась изменять и никого к себе не подпускала кроме мужа. И этот соленый поцелуй унес ее в беззаветную, доходящую до самозабвения даль.

Сейчас, стоя ночью на этом мосту и всматриваясь в омут под лютующим порывом ветра, эта женщина вспомнила с теплотой и нежностью, как закрыла в тот сладкий миг глаза и обнимала красавца-мужчину за плечи, не чувствуя дна под ногами. В тот день на анталийском пляже было много народа и целующиеся были хорошо видны, как на ладони. Мужчина-красавец тянул ее подальше в море, опасаясь, что по местным законам все увереннее уходящую в исламизацию Турцию их могут посадить в тюрьму или даже закидать камнями. Она же, разрываемая между желанием плотской любви и страхом перед береговой службой, напротив, искала спасение на суше. Тогда она сделала какой-то неуверенный рывок к пляжу, но он схватил ее за ноги и потянул к себе, любуясь изгибами ее тела.

– Каква гузель спин. (Какая прекрасная спина!) – воскликнул он на смеси турецкого и болгарского языка.

Она оттолкнулась от него, испуганная такой внезапной близостью, а собственно, чего она могла ожидать от возбужденного в этот миг мужчины? Он еще крепче притянул ее к себе и, чтобы никто не видел ее инстинктивного сопротивления, погрузил в воду. Она ушла с головой, едва успев глотнуть воздуха, и это, может быть, и спасло ей жизнь, а он, уже сорвав с нее нижнюю часть купальника, стремительно вошел в нее.

Через какие-то мгновения она вынырнула, с жадностью глотая воздух, и поплыла испуганная к берегу, придерживая одной рукой разорванный купальник, а ее получивший свое спутник молча и бесшумно поплыл за ней следом, словно сытая касатка, понимая, что жертва от нее никуда не денется и все равно обречена.

– Клянусь, ты заслуживаешь моей лучшей татуировки, – говорил он, гребя руками.

Весь этот жуткий стыд только усиливался, когда она вспомнила свой последний рабочий день, особенно тот неловкий момент, когда она в зале, сидя за кассой перед взбалмошным клиентом, специально раздвинула свои ноги. Как она могла опуститься до такого? С одной стороны, этот кошмарный для приличной женщины поступок был ответной реакцией ее уязвленного женского начала, но, с другой, именно Катерина Андреевна, приостановив сумасшествие клиента, осознанно или не специально поспособствовала выдачу займа, которого тот так желал. Ей вдруг стало еще и совестно перед этим опустившимся алкоголиком, закладывающим за бесценное свое единственное жилье. Она не сомневалась, что старик был уже обречен

через месяц или чуть более быть выброшенным судебными приставами на улицу, как, впрочем, и сотни других несчастных. То, что деньги займа проматываются такими представителями общества в первые дни, она не сомневалась. Какая-то странная мысль пронеслась у нее в голове. Точно как тот темный пугающий поезд, вставший в тоннеле и затем давший ход назад, она тоже остановилась в какой-то нерешительности. Она знала арбатский адрес той последней сделки. Ей вновь захотелось увидеть того художника, может быть, пока не поздно спасти его от разорения. У нее были на примете пару надежных адвокатов, которые могли помочь ему оспорить сделку в случае каких-либо осложнений при погашении и отстоять заложенную за бесценок недвижимость. Главное, чтобы те деньги, которые он получил, вовремя вернулись в банк, а не были потрачены впустую в пьяных и бессмысленных ночных оргиях с такими же, как он, несчастными и больными.

– Нужно, во что бы то ни стало, отговорить старика вернуть все в банк завтра, пока не пойдут губительные проценты.

Потом Катерина Андреевна вспомнила директора банка, уговаривающего ее повременить с увольнением, предлагавшего ей двойной и даже тройной оклад и сулящего, как она желала, большие перспективы в карьере. Толстяк словно прозрел, осыпая ее щедро комплиментами, и даже сделал намеки на отношения нерабочего характера. Все-таки не зря она в последнее время одевалась в лучшие свои платья! Последнее даже насмешило ее, и тогда она на секунду представила себя с плеткой и в ошейнике в объятиях Вениамина Кристофоровича и, не скрывая своего смеха, сказала «Посмотрим». Потом она поразила его в самое сердце, не без удовлетворения заикнувшись о своей внезапной беременности, которую ждала всю жизнь, и босс быстро стушевался. Он не готов был уже на такие жертвы и открыто ей признался, что не желает держать на балансе беременную, пусть и лучшую свою сотрудницу, и тем более отчислять за нее выплаты в различные фонды. Затем, чтобы скрыть неловкость, он попросил передать профессору Берковичу (никто и не знал, что супруги развелись более двух лет назад) свои искренние поздравления. И она облегченно вздохнула и рассталась с банком уже навсегда, оставив лишь небольшие формальности с отделом кадров.

Потом все было как во сне. Она быстро прошла Арбат и нырнула в метро. К платформе подошел поезд, нового типа, современный, весь раскрашенный в какие-то унылые цвета, и она села в пустой вагон, некомфортно чувствуя себя в нем и с опаской оглядываясь. В соседних вагонах были такие же, как она, одинокие и пугливые люди, но их было хотя бы по два или три человека. И когда поезд, пройдя несколько пустынных станций, вдруг встал в туннеле по непонятной причине, она с ужасом стала искать спасения в посторонних и встретила с одним из них взглядом. Этот был мужчина примерно ее возраста в черной кожаной куртке. Он сидел в соседнем вагоне на ближней лавочке и рассматривал уволенную кассиршу через покачивающиеся от хода стекла вагона. Он, как и она, бросил в ее сторону взгляд человека, не понимающего причину столь внезапной остановки. Свет на мгновение мигнул, чем еще больше напугал Катерину Андреевну. Она ждала с надеждой успокаивающий голос машиниста, который объяснит о произошедшем, но никто ничего не объявлял, и вдруг поезд качнулся и дал ход назад, как будто что-то забыл на предыдущей платформе. Медленно покачивая вагонами, с каким-то неприятным и холодящим душу скрежетом, он вышел на уже проехавшую платформу и остановился. Двери молча открылись и немногочисленные пассажиры вышли. Затем поезд вновь закрыл двери и ушел вперед порожним. Лишь в последнем вагоне спала с открытым ртом, очевидно, пьяная и какая-то неухоженная тетка.

«Бедняжка, что с ней будет?» – пронеслось в голове, и одновременно сверкнул луч радостного понимания, что на месте той забытой, словно вещь, несчастной могла быть она.

На перроне мужчина в куртке стоял рядом с ней, и когда прибыл новый поезд, уже обычный, но такой же безлюдный, она зашла в пустой вагон и поняла, что находится наедине с незнакомцем. Ей стало вдруг страшно. Слишком как-то внимательно смотрел он на нее, как будто

желал, чтобы и она тоже посмотрела на него и, может быть, даже хотел обмолвиться с ней словом, заговорить. Она представила, что этот попутчик – насильник или что-то в этом роде, что его совсем не смущают камеры, и он просто выжидает подходящий момент, чтобы наброситься на нее с ножом, как только двери закроются. Поэтому почти в самый последний момент, когда двери стали закрываться, она выскользнула мимо них и осталась на перроне совсем одна, а незнакомец, прильнув к окну, долго смотрел на нее с каким-то болезненным сожалением, пока его не унес этот странный поезд.

Внизу под мостом река была окаймлена набережной, и женщина опять прикинула, что если вдруг она все же решится броситься вниз, ей нужно держаться значительно левее, иначе она просто расшибется о камни, а видеть себя разбившуюся или раздавленную проезжающим транспортом, она меньше всего хотела.

«Интересно, как прыгают самоубийцы с таких мостов? Головой или ногами вниз? А не все ли равно при такой высоте?» – и она вдруг ужаснулась, что нездорова.

Эта коварная и заманчивая мысль умереть в тот миг, когда она только-только разрывала путы, связывающие ее с прежней жизнью, еще сильнее напугала ее, и она поспешила прочь, лишь бы быть подальше от этого губельного места. Но встречный ветер мешал ей двигаться, и она запустила замерзшие руки в карманы пальто и слегка наклонила голову вниз. Под ногами шевелились тени оледеневших деревьев, словно щупальца страшных чудовищ, пытающихся ее схватить, и она перешагивала через эти шевелящиеся лапы, перепрыгивала их, как маленькая непослушная девочка, и почти бежала в сторону неродного дома. Там, на коврик, ждала и скулила ее маленькая любимая собачонка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.